

18+

ЕВГЕНИЙ АЛЬТМАЙЕР

**Я умру за вождя
и отечество**

Евгений Альтмайер

Я умру за вождя и отечество

«Издательские решения»

Альтмайер Е.

Я умру за вождя и отечество / Е. Альтмайер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594589-1

Пауль Блау еще не знает, что ему суждено отправиться на величайшую войну в истории мира. Мальчишка с берлинских улиц растет в стране, раздавленной нищетой и несправедливостью. Главное его богатство — коробок с подобранными окурками. Ему только предстоит понять окружающий мир: по объяснениям старших приятелей. По разговорам взрослых. По листовкам и плакатам. А еще есть те, кто готов дать ему простые ответы на любые вопросы. Те, кто добивается не правды, а эффекта.

ISBN 978-5-00-594589-1

© Альтмайер Е.
© Издательские решения

Содержание

Пробуждение	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Германия Адольфа Гитлера	42
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Я умру за вождя и отечество

Евгений Альтмайер

Дизайнер обложки Александр Елисеев

© Евгений Альтмайер, 2023

© Александр Елисеев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-4589-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пробуждение

*Мы добиваемся не правды, а эффекта.
Йозеф Геббельс*

Глава 1

Настали поганые времена. Слова эти Пауль слышит с удручающим постоянством: взрослые обожают повторять их снова и снова. Ни порядка, ни жизни людской, что завтра будет – одному Богу ведомо. Иногда, глядя на самого Пауля или его друзей, добавляют совсем уж угрюмо-безнадежное: «докатились...»

Мальчишку подобные слова всегда раздражают – быть может, оттого, что говорящий обязательно должен посмотреть на аккуратную заплату на выдавшей виды курточке. А что он, виноват, если из забора у старых сараев торчит несколько гвоздей? Или в те благословенные времена, об утрате которых так горюют окружающие, гвозди не имели обыкновения торчать, где ни попадая?

Словом, взрослым на глаза лучше лишний раз не попадаться. Не такое уж трудное занятие: дядя Вилли пропадает на работе, а тетушка Гретхен предпочитает сидеть дома. Полу-пустые берлинские дворы целиком во власти своих щеголяющих разноцветными заплатами хозяев.

Пауль облюбовал здоровенный кустарник в самом центре двора. Говорят, раньше на этом месте была большая клумба, и дворники исправно поливали тянущиеся к солнцу васильки. Теперь же, никем не прошенная и никем не званная, вымахала разлапившаяся во все стороны зеленая махина. Взрослые и этим недовольны, зато внутри можно спрятаться, словно за стенами древнего замка.

Громкий треск возвестил появление еще одного властителя зеленой цитадели. Фриц Морген – такой же худощавый, белобрысый и в такой же залатанной куртке. На расцарапанной физиономии – довольная улыбка.

– Гляди, чего я нашел!

На протянутой ладони – две целых сигареты. На белой бумаге под роскошным вензелем выведено каллиграфическое «Juno Josetti». Только и остается, что восхищенно вздохнуть. В кармане в спичечном коробке лежит несколько подобранных окурков, но найти целую сигарету, да еще недешевую – такое везение выпадает нечасто.

– Утощайся, – щедро предложил Фриц. Пауль не стал заставлять себя уговаривать и живо цапнул предложенный подарок. Вытащил из кармана второй коробок, со спичками. Чиркнул по ребристому краю, серная головка громко зашипела с первого раза. Сложил руки по-фронтальному, закрывая огонек от ветра. Сначала дать прикурить товарищу, затем – самому.

Черт его знает, чего в этом жесте фронтального, но если сказать именно так, все вокруг смотрят с малопонятным уважением. Или: «мой отец – фронтвик». Скажи такое, и сразу будто вырастаешь среди людей на голову. Во взглядах взрослых появляется что-то мрачное, угрюмое и одобрительное. Сам Пауль ни отца-фронтвика, ни матери не помнит – мать умерла от туберкулеза в двадцать третьем, когда ему едва исполнилось четыре года. А отец с фронта так и не вернулся. Так что кроме дяди Вилли и тетушки Гретхен других родителей он, считай, и не знает. А вот старший брат наверняка их помнит. Только Рудольф, хоть и живет неподалеку, сам уже успел обзавестись семьей. А потому не принимает в жизни Пауля никакого участия. А тот и не настаивает. У Фрица папаша тоже фронтвик. Не дурак выпить, а еще лупит его почем зря. Хотя за тетушкой Гретхен тоже ремнем по заднице вытянуть не заржавеет.

Какое-то время сидели и курили в тишине. Выкурить целую сигарету – настоящая история. Белая бумага потрескивает, огненная полоска с каждым вдохом медленно подбирается к пальцам. Не то что коротенький окурок, какого порой хватит всего на две-три затяжки.

Раздавшиеся неподалеку голоса заставили прильнуть к земле. Времена нынче и впрямь поганые, раз по двору запросто могут шататься те, кому лучше не попадаться на глаза. Удачно, что они в кустах – сюда за ними, случись чего, не полезут. Да и кому они нужны. Лишь разобрав знакомый фальцет, Пауль облегченно выдохнул.

– Наши.

В их сторону идет кучка молодых парней. Вид у соседей неважный: многие украшены здоровенными синяками, кое-кто ощутимо хромает. Йохан, которого нетрудно опознать по визгливому голосу, мрачно глядит на мир одним глазом – второй, заплывший, теряется в жуткой темно-синей мешанине.

История эта началась пару дней назад. Квартал Леопольдкиц, сколько Пауль себя помнит, в лютой вражде с соседями. Разбитые носы, а то и сломанные ребра – не редкость. И, конечно, супостаты с Шпарплац выбитыми глазами и поломанными конечностями тоже обзаводятся с восхитительной регулярностью. Так и жили до недавнего времени.

Беда пришла, откуда не ждали: враги задружились с коммунистами из юнгштурма¹. Здоровенные битюги в куртках-штурмовках с красными нарукавными повязками здорово намяли товарищам бока, а затем еще и объявили, что избитые теперь записаны в буржуи. И коли не хотят ходить во врагах трудового народа, то должны сделать солидный взнос на дело мировой революции. Не приходится сомневаться: революцию устроят в ближайшей пивной. Хотя какая жертвам классовой борьбы разница, на что юнгштурмовцы спустят деньги? Все равно несправедливость! Вот только пойдти им это скажи – живо отхватишь еще одну порцию.

– Что ты с друзьями перетрешь, это я верю. – Вожак-Андреас смерил мрачным взглядом Пауля и Фрица. Те как раз вылезли из кустов и присоединились к бредущей компании. – И что они от юнгштурмовцев нас спасут, я тоже верю. А от друзей твоих нас потом кто спасать будет?

– Мое дело предложить, – огрызнулся Юрген. Нос у парня ощутимо свернут в сторону, физиономия покрыта черной щетиной. – Только иначе придется раскошелиться красным на застолье, не то они нам житья не дадут. Сильно охота этим уродам пиво из своего кармана оплачивать?

– Черт с тобой. Действуй. А вы, мелюзга, чего тут третесь?

Фриц потянул Пауля за рукав, да тот и сам не дурак. Обычно к их присутствию старшие относятся куда благосклоннее. Но колотушки от юнгштурмовцев настроения главаря-Андреаса не улучшили.

– Как думаешь, с кем они дружить собрались? – Спросил Фриц, когда мрачная компания осталась позади.

– Я слышал, Юрген с бандитами дружбу водит. – Предположил Пауль после недолгих размышлений. В глазах у приятеля зажглись восторженные огоньки. Как пить дать, собирается вызнать, где свершится месть. Полезет смотреть дармовое представление. Сам Пауль ни малейшего желания становиться свидетелем побоища не испытывает.

И уж тем более не подозревает, что окажется не только свидетелем, но и самым настоящим участником.

Друзьями Юргена оказались совсем не бандиты. Это Пауль выяснил, заметив на следующий день компанию в обществе двух высоченных парней в одинаковых коричневых рубашках.

¹ Юнгштурм (Roter Jungsturm) – молодежная организация Рот Фронта – боевого крыла Коммунистической Партии Германии. В молодежную организацию вступали молодые люди в возрасте от 16 до 21 года. Создана в 1924 году.

У каждого на левом рукаве ярко-красная повязка с белым кругом, с которого хищно скалится черная свастика.

Нацисты с коммунистами всю жизнь в контрах. Гитлерюгенд и юнгштурм только и ищут, как бы друг другу рожи разбить – равняются на старших товарищей из ротфронта и штурмовых отрядов. Эти тоже друг другу кровь пустить не дураки.

До недавнего времени весь Веддинг – и Леопольдкиц, и Шпарплац, и прочие кварталы – были целиком во власти коммунистов. Красные бахвалились, что так оно и будет всегда, и что весь Берлин останется красным. Потом нацисты взялись за город всерьез. В двадцать седьмом из Рура приехал новый руководитель, Геббельс. Нацисты его уважительно доктором называют. Доктор он или нет, но дело повел круто. Коммунисты теперь то и дело отхватывают колотушек на тех самых улицах, которые еще недавно считали своей вотчиной. В Веддинге дерутся как бы не чаще всего. Их район населен преимущественно рабочими, так что красным никак нельзя отдавать его нацистам: престиж пострадает.

Наверное, лучше всю эту компанию обойти стороной. Если дома прознают, что он водится с наци, тетушка опять достанет оставшийся от сына армейский ремень. Повторять уже состоявшееся знакомство с этим предметом гардероба – никакого желания.

Он как раз собирался юркнуть в ближайшую подворотню, когда разглядел рядом с молодым штурмовиком довольного Фрица. Приятель сияет, будто начищенная до блеска монета. Заметив друга, призывно замахал руками. Остальные тоже повернулись в его сторону. Андреас неожиданно поманил пальцем. Чего это он? Обычно местный заводила «мелюзгу» шугает. Пришлось подойти к внимательно разглядывающей его компании.

– Вот что, как там тебя... Завтра утром придешь к старой коптильне. К телеге.

– Это еще зачем? – Насторожился Пауль. Место ему знакомо – покосившаяся хибара потихоньку разваливается, никому не нужная. А рядом – сломанная повозка, под которой прячутся от дождя бездомные кошки.

– В разведку пойдешь. – Вместо жожака ответил рыжий парень в коричневой рубашке. – Что, шпингалет, не забоишься?

– Вот еще! – Оскорбленно задрал нос Пауль, только что ни в какую разведку не собиравшийся. И ему на самом деле страшно – аж в животе похолодело. Ясно, за кем заставят шпионить. Попадешься юнгштурмовцам – шкуру спустят. Но не признаваться же, что от такой перспективы все поджилки трясутся! Трусом засмеют.

Рыжий неожиданно наклонился, ухмылка с конопатой физиономии исчезла, уступив место внимательному прищуру.

– Ты, шпингалет, если боишься, лучше сразу признайся. Кого другого найдем. А вот если пообещаешь, а сам с перепугу у мамыши под подолом затихаришься – я тебя на половые тряпки пушу, так и знай.

– Ничего я не боюсь! – Пискнул Пауль. Хотя, по правде сказать, поверил конопатому сразу и накрепко. С него станется. И бодрости эта вера не добавила. Но куда деваться? Отказаться вроде бы означает миновать неприятностей, а все равно отказываться еще страшнее.

– Так держать, шпингалет! – Рыжий хлопнул его по плечу, будто равный равного.

– Конечно, в Германии будет бардак, если в Рейхстаге вместо приличных людей сидят едва одолевшие семь классов грузчики! Глянуть не успеем, а эти бандиты устроят у нас то же, что и Ленин в России!

Тетушка Гретхен с самого утра пребывает в ярости. Прямо напротив их окон кто-то во всю стену нарисовал красной краской серп и молот. Попытка задернуть шторы, дабы закрыться от проклятого клейма, погрузила небольшую комнату в угрюмую, давящую темноту. Так что пришлось завтракать, любуясь коммунистической агитацией. Вчерашние штурмовики

от такого совсем озвереют, и юнгштурмовцев, должно быть, отделают не хуже, чем те – Андреаса с компанией.

Пауль торопливо жует намазанную повидлом булку. Тетушка Гретхен – истинная немецкая фрау, и гордость этим фактом распространяется от нее во все стороны. Каждое утро начинается с того, что приходится предьявлять ей старательно вымытые руки и уши. В воскресенье тетушка обязательно идет в церковь, где отсиживает службу в компании других таких же матрон, застывших в незыблемой идеальности и благочинии. Большая поборница чистоты во всех ее проявлениях, остаток времени она проводит за безустанным приведением в идеальный порядок всего, что ее окружает, начиная от кастрюлек и занавесок, и заканчивая домоладцами. И нет в глазах тетушки преступления страшнее, чем лезть не в свое дело. Да еще и изрисовывая при этом стены домов чем бы то ни было, тем паче – агитационной гадостью.

Дядюшка Вилли спрятался от гнева супруги за газетой и пытается делать вид, будто поглощен чтением. Но Пауль прекрасно видит, что тот даже не пытается уделить прессе хоть сколько-то внимания. Разошедшуюся тетушку отсутствие слушателей никоим образом не смущает.

– В России тоже все началось с полупьяного чернорабочего, полезшего со своим скудным умишком в политику!

– Гретхен, Ленин был из дворянского рода и учился в университете. – Зачем-то возразил Вилли, со вздохом отложив газету в сторону. Солидное образование и немалый опыт сохранили господину Майеру место в редакции «Берлинер моргенпост», а вместе с ним – стабильную зарплату и какую-никакую уверенность в завтрашнем дне.

Пауль недоверчиво покосился на дядюшку. Слабо верится, что аристократ, да еще из университетских, пойдет в коммунисты. У такого, небось, нет нужды выколачивать деньги на пиво из ни в чем не повинных работяг.

– Коль скоро он подался в красные, образование ему впрок не пошло! – Не осталась в долгу тетушка. – И с каких это пор в России университеты? Чему там учат – водку на морозе пить? Ты что-то хотел, Пауль?

– Я, тетушка, если вы не против, пойду на улицу.

– Ты доел? Ну, иди.

Последнее, что услышал, выбегая на улицу, скорбное:

– При кайзере дети были к делу пристроены, а сейчас что? Докатилась Германия...

На этот счет Пауль мог бы поспорить. Шататься по двору, докуривая выброшенные окурки и пиная мяч будет поинтереснее тех дел, к которым его обычно пытаются пристроить взрослые. Счастье еще, что тетушка не сильно-то и досаждают со всякими глупостями. Своих детей у приютившего его семейства больше нет. Единственный сын, Герхард, не вернулся с войны: сгинул на Восточном фронте. Фотография улыбчивого молодого человека стоит в прихожей на комодке. Тетушке куда интереснее каждый день вытирать вокруг нее пыль и чему-то вздыхать, чем возиться с осиротевшим сыном племянника. Из этого оцепенения она выпадает лишь когда из школы в очередной раз приходит учитель с жалобами на неподобающее поведение Пауля. Тогда наступает время старого солдатского ремня, а следующие пару недель приходится старательно делать уроки. Но если немного перетерпеть, тетушка вскоре вернется к вытиранию пыли вокруг фотографии на комодке.

Мальчишка, припустивший было в сторону старой коптильни, припомнил собиравшего отправить его в разведку рыжего. А, может, ну его к черту? Придумать, например, что тетушка не отпустила. Но тогда все скажут, что он испугался. Никакими отмазками не спасешься. А то и прозвище какое придумают. И рыжего такое объяснение вряд ли устроит!

Горько вздохнув, побежал дальше, раздираемый на части любопытством и страхом.

– Здорово, шпингалет!

Во дворе у коптильни – десяток крепких парней в одинаковых коричневых рубашках. У двоих Пауль разглядел короткие толстые дубинки. Ох и будет делов...

– Слушай сюда. – Рыжий присел, глядя Паулю прямо в глаза. Взгляд у конопатого внимательный и сосредоточенный. – Ты сейчас иди к проулку, и сиди там. Так, будто тебе скучно и делать нечего, усек? Если появятся красные, тикай сюда. Да не вздумай ничего кричать! Чтоб смотрелось так, будто ты их толпы испугался и решил держаться подальше. А нас с товарищами здесь как будто бы и вовсе нет, ясно?

Куда уж яснее.

– Вопросы есть? Нет? Тогда пошел!

Узкий проулок встретил равнодушной тишиной. Славно, что в разведке страшного гораздо меньше, чем думалось. Вот только теперь придется целый день торчать в одиночестве, дожидаясь появления юнгштурмовцев. А ну как они и вовсе не придут?

Меж двумя кварталами раскинулся окруженный покосившимися развалюхами пустырь, все обустройство которого состоит из нескольких скособочившихся скамеек. Считается, что место это принадлежит обитателям Леопольдкиц. Они тут играют в карты на деньги да потребляют шнапс. В прошлый раз именно здесь юнгштурмовцы и застукали Андреаса с компанией. А теперь, выходит, гитлерюгенд решил устроить полноценную засаду – дожидаться, покуда коммунисты зайдут на вражескую территорию, перекрыть несколько узких проулков – вот тебе и готовая мышеловка. Хитро придумано. Со стороны пустыря раздались знакомые голоса: не иначе, Андреас с компанией играют роль приманки. Делают вид, будто не нашли более удачного места и времени для партии в карты. Ну и хитрюги.

Восторги в адрес коварного плана длились ровно до тех пор, пока вдаль не послышался гомон приближающейся толпы. Юнгштурм и шпарплацовцы идут, не таясь. Несколько человек переругиваются, стучат по разбитой мостовой каблук ботинок. Пауль перепуганным зайцем метнулся в сторону. Встречаться с обитателями соседнего квартала – никакого желания. Черт знает, что у них на уме. Хотел было живее бежать к засевающим в засаде штурмовикам, но неожиданная мысль заставила застыть на месте: если получится поглядеть на идущих недругов, да еще и пересчитать их – вот остальные удивятся!

Вплотную к одному из зданий примыкает покосившийся сарай, в котором досок едва ли не меньше, чем дыр. Вот в него-то Пауль и юркнул. Внутри противно воняет гнилью, запах мешается с мерзким привкусом прогорклого масла, а о том, как он будет выглядеть, когда вылезет, лучше и не думать. По колену и спине противно разлился липкий холодок: кажется, он ухитрился испачкаться обо что-то мокрое. Ой-ей – куртку и штаны, небось, придется теперь стирать, и тетушка Гретхен совсем не обрадуется такому повороту. А уж если выяснится, что неведомая грязь еще и не отстирывается – страшно представить, что тогда будет.

Беспокойство о предстоящей взбучке вскоре испарилось: из-за поворота появилась гомонящая толпа. Первыми идут парни в одинаковых штурмовках и кепи. Маршируют в ногу, точно солдаты на параде. Пауль застыл, опасаясь выдать свое местонахождение случайным движением. Вот уж ничего хорошего не выйдет, если его застукают... И какого черта он вообще залег здесь? Сейчас бы уже, небось, докладывал рыжему про появление неприятеля. Тот бы и так остался доволен.

От вида массивных дубинок, из которых торчат ржавые гвозди, перехватило дыхание. Сердце грохочет в груди, словно сумасшедшее. А ну как засекут? Жуть как страшно, но ухитрился, подглядывая краем глаза, считать проходящих мимо юнгштурмовцев. Успел насчитать больше десятка, а за ними еще десяток парней из Шпарплац. Эти, по сравнению с коммунистами с их форменными штурмовками, смотрятся разномастной толпой.

Он как раз насчитал последнего, семнадцатого, когда один из тройки замыкающих обратил внимание на укрывшую Пауля покосившуюся хибару. Безразличный рыбий взгляд скольз-

нул по ссохшимся доскам – и уперся прямым в мальчишку, застывшего, будто кроль перед удавом.

Несколько томительных мгновений они играли в растерянные гляделки.

– Э!

Хриповатый возглас подействовал не хуже пинка. Пауль выгнулся всем телом и бросился на карачках прочь, не сразу исхитрившись встать на ноги. Вслед летит грубая ругань. Добежал, не чувствуя ног, до казавшегося только что таким далеким поворота, юркнул за выступающий угол старого дома. Позади – равнодушная тишина, только в отдалении слышна брань и пререкания.

Набравшись смелости, выглянул из-за потрескавшейся кирпичной стены. Обитатели Шпарплац как раз двинулись дальше. Конечно, с чего бы им гоняться за одиноким мальчишкой. Пауль выдохнул. А ну как поймали бы? Что тогда? Отбрехался бы, наверное.

Засада у старой телеги никуда не делась. Пятеро, приспособив вместо стола выломанную из повозки доску, режутся в карты. Остальные вяло переругиваются вполголоса.

– Ну чего, шпингалет? – Первым заметил разведчика рыжий.

– Прошли. Семнадцать человек. У семерых дубинки. – Отрапортовал Пауль.

Рыжий в ответ одобрительно цокнул языком.

– Попомни мои слова, в армию попадешь – в разведку просись.

Пауль как раз успел подумать, что у коричневорубашечников дубинками вооружены только двое, и вообще вся эта история перестает казаться такой уж восхитительной. Они, конечно, хитро все придумали, но мало ли... Не сразу обратил внимание, что нацисты вытащили длинные ножи. Тут и там мелькают тяжелые кастеты, а еще у одного – мрачного здоровяка с длинным шрамом через щеку – в мощной лапище красуется настоящий мясницкий тесак.

– Ганс, ты в резерве.

Вертлявый паренек в коричневой рубашке кивнул. Пауль при виде вытащенного на свет черного револьвера почувствовал, как в коленках разлилась противная слабость. Оружие – это всегда жуть как интересно. Ему как-то раз отец Фрица дал подержать настоящий маузер... Но от понимания, что сейчас из вороненой железки натурально будут стрелять по людям, стало страшно.

Двинулись строем по двое, словно настоящие солдаты на марше. Даже в ногу шагают, вот разве что носок не тянут. Пауль пристроился позади. Страх и любопытство разрывают надвое: жуть как интересно посмотреть, как коричневорубашечники разделаются с агрессорами. Но в глубине души возится что-то беспокойное. Раньше потасовки с соседями за пределы зуботычин не выходили. Кому-то зуб выбьют, иной раз руку сломают. Но ножи обитатели разных кварталов друг в друга не совали. Не дать ли, пока не поздно, деру?

Хитроумный план сработал как по нотам: юнгштурмовцы как раз оказались в самой середине пустыря, уверенные в полном превосходстве над «застигнутыми врасплох» местными, когда из трех проулков на площадку вывалились штурмовики в коричневых рубашках. Ножи, кастеты, дубинки, железные прутья, на лицах кривые ухмылки. А вот у попавшихся в западню все самодовольное веселье с лиц враз исчезло.

Пауль ожидал взаимных оскорблений, выяснений, кто прав, а кто нет – обычно склоки между Леопольдкиц и Шпарплац начинаются именно так. Но рыжий вместо этого гаркнул:

– Бей красных!

И коричневорубашечники бросились вперед. Пауль, даже не пытаясь пристроиться в рванувшуюся вперед толпу, прыснул в сторону, укрылся за подвернувшимися остатками забора. Удивительно, что покосившееся недоразумение до сих пор ухитряется стоять, но сейчас хлипкие доски показали настоящей крепостной стеной, отделившей от развернувшегося в десятке шагов побоища.

Юнгштурмовцы и гитлерюгенд сошлись в самом центре пустыря. Крики и гвалт то и дело перекрываются хлесткими, сочными звуками ударов. Кулаком или даже кастетом – почти не слышно, а вот если приложить железной трубой...

Драка очень быстро превратилась в избиение. Парни в коричневых рубашках остервенело месят упавших ногами. Тех юнгштурмовцев, что пытаются отбиваться, бьют дубинами и кастетами. Давешний здоровяк с тесаком полоснул жутким оружием по лицу одного из коммунистов. Тот упал на колени, кровь так и брызжет на пожухлую траву. Визги, хрипы, отчаянные крики – и все те же хлесткие, страшные удары. Пауль, не выдержав, зажмурился, хотя из-за забора и так почти ничего не видно. Дал бы деру, да единственный путь в родной Леопольдкиц – как раз на другой стороне пустыря. Коленки становятся совершенно ватными от одной мысли о том, чтобы вылезти из кажущегося таким надежным убежища.

Минула вечность, прежде чем звуки ударов и истошные вопли сменились зыбкой тишиной. Безмолвие нарушают лишь стоны, кашель и непонятное, а оттого еще более страшное хлюпанье. Пауль, набравшись смелости, выглянул из-за приютившего его забора. Центр пустыря больше напоминает бойню – все вокруг забрызгано красным. Посреди кровавой мешанины медленно и слабо барахтаются изломанные человеческие тела. Раскрасневшиеся и взъерошенные гитлерюгендовцы обступили избитых. Главарь тяжело дышит, грудь вздымается вверх-вниз.

Ножи и кастеты исчезли в карманах. Штурмовики направились прочь, следом потянулись парни с Леопольдкиц. Андреас и прочие выглядят раздавленными и потерянными. Они, конечно, сами недавно отхватили немалых колотушек, но там дело закончилось синяками, ушибами да парой переломов у особо невезучих, а тут...

Пауль не сразу сообразил, что парни уходят в сторону Леопольдкиц, а он остается здесь, по-прежнему отделенный от своих местом побоища. От перспективы остаться в страшном месте в одиночестве – а, вернее, в компании тихо поскуливающих юнгштурмовцев – бывшие страхи как ветром сдуло. Мальчишка выскочил из убежища и прытью припустил следом за гитлерюгендовцами. Повертел головой, выискивая Фрица, но друга и след простыл. Он был на побегушках у другой засады нацистов, да только когда началась драка, Морген оказался как раз у ведущего в Леопольдкиц проулка и дожидаться развязки не стал. А вот Паулю осталось жаться за заборчиком да завидовать сделавшему ноги товарищу.

Парни Андреаса идут в мрачном молчании, гитлерюгендовцы же, отдышавшись, принялись весело посмеиваться, обсуждая случившееся. Судя по разговорам, беды Шпарплац на этом только начинаются: нацисты собираются через пару дней наведаться туда еще раз. На мальчишку никто не обращает внимания, а он это самое внимание привлечь и не пытается. Не гонят прочь – и на том спасибо.

Откуда-то появился молчаливый Фриц. Физиономия у друга задумчивая и не слишком веселая, да и сам Пауль не сказать, что чувствует себя на седьмом небе от счастья. Конечно, супостаты с Шпарплац сегодня получили так, что ни в жизнь к ним больше не полезут. Но как-то оно...

– Как-то оно перебор, – угрюмо пробормотал Андреас, словно повторив мысли мальчика. – Уж больно круто вы их. Не по-людски.

– А с красными по-другому нельзя! – жестко отрезал Рыжий. – С ними церемониться – самое поганое дело. Вешать их надо, понял?!

Ответом яростной тираде стало настороженное молчание. По вытянувшимся лицам обитателей Леопольдкиц видно, что такой ход мыслей они совсем не разделяют. Но спорить не собираются: как бы такие споры себе дороже не вышли.

– Из-за них все беды! Почему, по-твоему, вся страна в такой жопе живет, а?!

– Батя говорит, потому что войну проиграли, – неожиданно пискнул Фриц. Обычно за подобные выступления старшие запросто могут угостить зуботычиной – чтоб не лез

во взрослые разговоры. Но на этот раз остальные не обратили на мальчугана никакого внимания.

– А войну почему проиграли? – Спросил Рыжий, не удовлетворившись ответом. – С чего это вдруг? Русских же мы победили? Победили! Та же самая красная сволочь им в спину нож и воткнула. А армия наша что, под Берлином фронт держала? Какой там! Лягушатники от нас под Парижем отбивались. И вдруг – на тебе! Перемирие да разоружение! Да выводите, боши², свою армию из Бельгии, а не то мы с вами и говорить ни о чем не будем! Не, ты мне объясни!

Рыжий раскраснелся, физиономия перекосилась в злобной гримасе. Андреас под яростным напором моментально потух.

– С чего это мы войну проиграли? Побеждали – и вдруг проиграли? Как так?!

– Батя говорит, буржуи страну продали! – Снова подал голос Фриц. Судя по довольной ухмылке, ему понравилось, как шпынявший «мелкоту» главарь сдался перед парнем из гитлерюгенд.

– Дурак твой батя! – Отрезал Рыжий. – Буржуи тоже разные бывают. Бывает наш буржуй, немецкий. Ему дай волю – тоже работягу до нитки оберет, но и он за страну, сечешь? Ему все это...

Штурмовик сделал неопределенный жест рукой, будто тщась охватить всю пострадавшую от такой несправедливости Германию.

– Ему все это тоже беда. Завод стоит – у буржуя карман пустеет. Не, не буржуи Германию продали.

– А кто?

– Жиды! – Сказал, словно выплюнул. – От них все зло. Вот этим гнидам каждый немец – враг. Потому что немец – он за правое дело стоит, сечешь? А жид – только паразитировать умеет. Честный народ обирать. Продали Германию, обобрали, денежки вывезли во Францию да Америку – и жируют на наворованном, вот это они умеют. И красные у жидов – первые подпевалы.

Вот и тетушка говорит, что честному человеку с евреем дел лучше не иметь, потому что ничем хорошим такие дела не закончатся. Но вряд ли фрау Майер будет рада неожиданным единомышленникам.

– Полиция соизволила явиться ближе к вечеру. Прислали единственного обермейстера³, да и тот немедленно заявил, что состава преступления не видит. Дескать, как убьют кого – так и обращайтесь. А поскольку ни потерпевших, ни вреда жизни и имуществу граждан не наличествует, то и поводов для беспокойства нет.

Дядюшка Вилли апатично пожал плечами. Немолодой, располневший, с блестящей лысиной, обрамленной седеющими волосами. В круглых очках отражается тусклый желтый свет: лампа на столе освещает небольшой пятючок пространства вокруг собравшегося на ужин семейства. На столе – тарелки с сосисками и тушеной капустой. За окном темная синь медленно наливается ночной чернотой.

Пауль старается не чавкать и поменьше привлекать к себе внимание. Свою взбучку за грязные пятна на рукаве и штанине он все-таки получил. Спасибо хоть, хватило мозгов «признаться», что упал в лужу на другом конце Леопольдкиц. Узнай тетушка, что ему довелось побывать участником поставившей на уши весь квартал драки – быть беде.

Однако же, где-то в глубине души потихоньку начинает поднимать голову гордость. Он сегодня побывал в настоящем приключении. Ничуть не хуже Тома Сойера, про похождения

² «Боши» – презрительное прозвище немцев, принятое во Франции. Может быть примерно переведено как «дуболомы».

³ Обермейстер – полицейское звание, соответствующее армейскому лейтенанту.

которого дядюшка Вилли заставляет читать, когда в очередной раз вспоминает об образовании племянника.

Книжки Пауль недолюбливает. Что толку читать про истории, которые происходят не с тобой? Хуже того. С героями книжек вечно что-то приключается. Даже если они не плывут куда-то за дальние моря. Да какие там моря? В книжке даже простой осел может похвастать насыщенной жизнью: отправиться в Бремен, чтобы стать музыкантом, повстречать друзей, победить злых разбойников. И никто не заставляет его таскаться каждый день в школу и учить там всякую лабуду.

– Удивительного мало. Полиция на разборки нацистов с коммунистами уже давно смотрит сквозь пальцы. – Рассудительно отозвался дядюшка Вилли. – Даже если б штурмовики и впрямь забили кого-нибудь до смерти, все равно дело бы замяли.

Тетушка в ответ лишь мрачно покачала головой да забрала из рук супруга пустую тарелку. Окончательно стемнело. Сегодня Пауль предпочел не дожидаться напоминаний о необходимости умыться и почистить зубы – он уже получил взбучку за испачканную одежду, дожидаться еще одной нет ни малейшего резона. Тетушка наградила покладистого племянника раздраженным взглядом – не иначе, разгадала уловку. Однако, от комментариев воздержалась.

Закончив с вечерним туалетом, улегся на старый, пропахший неясными уютными запахами диван. Дядюшка Вилли положил на стол возле лампы толстый журнал и погрузился в чтение. Электрический свет превращает очки в два ярко-желтых круга. Неподалеку тетушка проглаживает утюгом свежевystиранную куртку. Лучше бы в ближайшую неделю следить за ее чистотой, а то и до беды недалеко.

Намалеванный юнгштурмовцами серп и молот наци вскоре закрасили. Тетушка при виде парней в коричневых рубашках, что возятся с кистями и свежей краской, немного оттаяла. Не так, мол, эти штурмовики плохи, раз занялись, наконец, делами по своему уму и приносят обществу пользу, а не разбитые окна. Радость продержалась недолго: на следующее утро место коммунистической агитации заняла огромная черная свастика. Над ней – запущенная вожаком берлинских наци Геббельсом кричалка: «Германия – пробудись, еврей – сдохни, фюрер – приказывай!»

– Что шпана разрисовывает гадостями стены, не ново. – Прокомментировал настенную живопись дядюшка. – А вот то, что вдохновляет их доктор философии, меня, признаться, пугает.

Штурмовиков Пауль повстречал через пару дней. Коричневорубашечники во главе с Рыжим осуществили былую угрозу и наведались в Шпарплац. Местным, еще недавно собиравшимся страсти с соседней контрибуцию на дело мирового пролетариата, самим пришлось делать добровольный взнос – во имя торжества германского духа.

Жадничать нацисты не стали, так что победу отмечали вместе с обитателями Леопольдкиц. Паулю показалось, что Андреас не слишком-то рад щедрости Рыжего, которого остальные штурмовики называют шарфюрером⁴. Раньше он был признанным вожаком, но рядом с коричневорубашечниками особо не забалуешь. Хочешь не хочешь, а дворовая компания на них посматривает с опаской.

– Эй, шпингалет! Хочешь заработать двадцать пфеннигов? – Обратил внимание на Пауля Рыжий, когда выставленное штурмовиками пиво потихоньку подходило к концу.

– Конечно!

⁴ Шарфюрер – звание в СС, СА и Гитлерюгенд, корнями уходящее во времена первой мировой войны. Примерно соответствует унтер-офицеру – командиру штурмовой группы.

Пауль не раздумывал ни секунды. Двадцать пфеннигов – деньги слишком серьезные, чтобы отказываться от неожиданной удачи. Вот Фриц будет локти кусать, когда узнает, какого лишился счастья!

Приятель попойку штурмовиков пропустил не от хорошей жизни. Олуху хватило мозгов похвалиться перед папашей участием в драке с юнгштурмом. Морген-старший дебюта отпрыска в трудном деле фронтовой разведки не оценил. А папаша у Фрица – тот еще подарок, полагающий, что наилучшими инструментами при воспитании сына были и остаются кулаки да ремень. Основательно поколоченный, Морген-младший теперь сидит взаперти. Впредь будет дураку наука, когда можно хвалиться, а когда лучше придержать язык за зубами.

– Держи. – Пауль получил увесистый тук с одинаковыми газетами, отпечатанными на скверной желтоватой бумаге. – Раздай где-нибудь на Леопольдплац. Как вернешься – получишь свои пфенниги.

Леопольдплац – площадь неподалеку. Народу там днем толкается немало. Пауль с некоторым сомнением посмотрел на тяжелую стопку. Если хоть одна из тетушкиных подруг заметит его раздающим «Народный обозреватель»⁵ – жди беды. Настоящей. Тетушка Гретхен, конечно, не папаша Фрица, но с ремнем тоже обращаться умеет ой-ей. Но двадцать пфеннигов!..

– Чего застыл, шпингалет?

– Какой я тебе шпингалет. Я разведчик. – обиженно буркнул Пауль. Штурмовики ответили веселым гогогом.

– Вернешься с задания – произведу в обершпингалеты. Пошел! – Шарфюрер топнул ногой, и Пауль припустил бегом в направлении Леопольдплац.

– Да он их в ближайшую мусорку выбросит! – Долетел сзади смешок одного из штурмовиков. Кровь прилила к щекам от возмущения. Ничего он подобного вовсе не собирался делать! Несправедливость же!

Обида, правда, живо сменилась отступившей было тревогой. Обычно в это время местные кумушки уже вернулись с рынка и сидят по домам, а до вечерней службы в церкви еще далеко. А даже если кто и заметит – он тут же сделает вид, что не видит тетушкину подругу и двинется в противоположную сторону. Главное – чтобы не увидели, что именно он раздает. Мало ли газет в Берлине? Так что, если повезет, его еще и похвалят, что подработку нашел. Наверное.

Раздавать газеты оказалось далеко не таким тяжелым делом. Люди разбирают вполне охотно – только и успевай выхватывать из кипы все новые листы. Как бы весь этот ворох себе под ноги в грязь не уронить...

Многие берут по две-три штуки сразу, не сильно вглядываясь, что за газету им предлагают. У Пауля появилось подозрение, что жадные до прессы граждане совсем не читать ее собираются. Но его-то какое дело? Велено раздать газету – он и раздает газету, а как добропорядочный бюргер будет ее потом использовать – ему никаких инструкций не дано.

Толстенная кипа успела похудеть раза в два, когда освоившегося с новым делом Пауля схватили за шиворот. Хвать! И вот он уже болтается, как каланча, привстав на цыпочки. Хватка у неведомого злодея – как в тиски зажали.

– Повырывайся мне! – Грубый мужской голос в корне пресек попытку дернуться в сторону. – Чего за макулатуру ты тут таскаешь?

Пауль, извернувшись, успел разглядеть, что похититель щеголяет в зеленом полицейском мундире. Ой-ей... От одной мысли о том, как полицаи за ухо притаскивают его к тетушке, потрясая отобранной пачкой, в коленках разлилась противная слабость. Надо ж было так вляпаться!

⁵ «Народный обозреватель» (Völkischer Beobachter) – печатный орган Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии.

– Чего тут у тебя? – Второй рукой мужчина выхватил газеты. – Ааа... «Народный обозреватель». А я уж было подумал, ты какое-нибудь «Красное знамя»⁶ разносишь.

Железная хватка на шивороте разжалась. Первым порывом было задать стрекача подальше от страшного полиция. Но от этой идеи Пауль отказался. Во-первых, раз его выпустили – значит, ничего катастрофического впереди как будто не ждет. Во-вторых, если броситься удирать – как бы не догнали. Тогда-то уж точно будет хуже.

– На Рыжего Отто работаешь, парень? – Вполне дружелюбно спросил полицейский. Левая половина лица у него покрыта страшными шрамами. Жутковатая картина, как будто кто-то пытался живьем содрать с несчастного кожу, да так и бросил на полпути. Но улыбается полицией вполне благожелательно, и сошедшиеся было к переносице брови разошлись в стороны.

Пауль, однако, решил отмолчаться. Черт его знает, что у полицейского на уме. Рыжий – а речь наверняка о нем – парень, конечно, почти свой, и денег обещал, и за разведку похвалил. Но вряд ли шарфюрер сильно обрадуется, если узнает, что его сдали полиции. Хотя, как бы на такое молчание уже сам полицией не осерчал...

– Ба, да ты, никак, своих не сдаешь? – Вахмистра, вопреки опасениям, молчание лишь развеселило. – Ну, молодец. Ты вот что на носу заруби. По средам и пятницам тут дежурит обервахмистр Шмидт. Он из социал-демократов... И просто сволочь. По жизни. Так что в эти дни сюда даже носа не показывай, понял?

Пауль торопливо кивнул. Только дайте вылезти из этой передрыги – он семь дней в неделю будет эту распроклятую площадь по широкому кругу обходить.

– Ну тогда давай газету и иди себе. – На какой-то момент показалось, что его разыгрывают. Но полицейский и впрямь взял протянутый листок, после чего потерял к мальчишке всякий интерес. Устроился на лавочке неподалеку, засмолил папироску. Пауль видит, как бегают туда-сюда серые глаза. Чтение вахмистра увлекает куда сильнее, чем разносчик с оставшимися газетами.

Первым порывом было плюнуть на опасное занятие и отправиться восвояси. Пауль не сразу сообразил, что уткнувшийся в свежий номер полицейский наверняка не будет возражать, если он быстренько раздаст остальное. Скорее уж наоборот – можно будет, если что, спрятаться за его спиной.

– Это был рябой Вальтер. – Спокойно ответил Отто, когда Пауль вывалил на него историю о своих приключениях. – Я его хорошо знаю. Боевой мужик, и с нашими крепко дружит.

Пауль наградил Рыжего сердитым взглядом. Хорошо ему говорить! Кабы на месте добряка Вальтера оказался тот самый вредный Шмидт, шарфюрер со своей компанией вызволять пойманного «агитатора», небось, не пошли бы. И потащили б его под гневные очи тетушки Гретхен. Вот это был бы переплет.

– Вообще, хорошего народу в полиции хватает, – задумчиво добавил Отто. – Начальство у них сволочное, под красную дудку пляшет – это факт. А обычные полиция – нормальные мужики. Вон, того же Вальтера возьми. Всю войну в окопах просидел. Ему под конец американской шрапнелью в голову прилетело. Как уж там врачи его с того света выцарапали – одному Богу известно. Чудо, что глаз спасли, говорят.

– Неправильно это. – Неожиданно пробасил один из штурмовиков.

– Чего неправильно?

– Ну, как с Вальтером обошлись. Он же герой войны. Я так мыслю, страна ему должна приличное житье обеспечить. А он что? В постовых подвизается. Вахмистром. Знаешь, как им платят? Кошкины слезки!

⁶ «Красное знамя» (Die Rote Fahne) – главный печатный орган Коммунистической Партии Германии.

– Эва куда тебя понесло! Он еще неплохо устроился. Сколько народу просто на улицу выкинули? И плевать они хотели, кто там герой войны. Чтобы нынешняя власть пеклась о тех, кто за Германию сражался? Жида да красные? Да для них такой человек хуже преступника.

На пустыре на миг воцарилась недобрая тишина. Пауль буквально кожей чувствует угрюмую злобу притихших гитлерюгендовцев. И в самом деле, несправедливо получается...

Глава 2

Дядюшка Вилли никогда не опаздывает с работы. Сколько Пауль себя ни помнит, всегда ровно в пять часов двадцать минут пополудни хлопает входная дверь. Хозяин чинно укладывает на полку дипломат, целует супругу. Приводятся в порядок ботинки, убирается в шкаф тщательно разглаженный пиджак. Все бытие Вильгельма Майера состоит из подобных застывших нерушимой догмой мелочей. Но сегодня стрелка часов продолжает настырно ползти по циферблату, а в небольшой квартирке царит тишина, нарушаемая лишь тихими шагами тетушки Гретхен.

Пауль пытается делать вид, что всецело поглощен математикой. Но сам украдкой подглядывает, как на строгом лице сменяют друг друга недоумение и досада. Когда длинная стрелка миновала отметку в тридцать пять минут, они сменились раздражением. Без пятнадцати шесть на лице фрау Майер явно проступили первые следы беспокойства.

Да и сам Пауль ощущает, как в глубине души зашевелилось что-то мрачное и неуютное. Размеренный порядок, так похожий на механизм ровно и бесстрастно тикающих часов, оказался нарушен, и дисгармония заставляет тревожно вжимать голову в плечи.

Входная дверь хлопнула, когда до шести часов осталось всего несколько минут. Дядюшка Вилли стоит в дверях. На раскрасневшемся от летней жары лице посверкивают круглые очки.

– Прости за опоздание Гретхен. Пришлось после работы зайти в банк.

Тетушка неодобрительно покачала головой, но от комментариев воздержалась. Пауль ни разу не видел, чтобы супруги ссорились. О том, что муж и жена вообще способны на бурное неудовольствие друг другом, он слышал исключительно от друзей – и порой у него возникало ощущение, что те его разыгрывают, выдумывая домашние скандалы. Но сейчас, похоже, тетушка как никогда близка, чтобы устроить опоздавшему супругу славную выволочку – ничуть не хуже тех, какие время от времени получает сам Пауль.

Отход от освященных постоянным повторением традиций всегда вызывает у фрау Майер немалое раздражение. Она молча смотрит, как дядюшка отчищает ботинки и укладывает на место шляпу. Покончив с одеждой, подхватил портфель из коричневой кожи. Обычно дипломат ставится на полку, где и стоит ровно до тех пор, пока не настанет время вновь отправляться на работу. На этот раз, однако, Вильгельм под недовольным взглядом супруги забрал его в комнату.

Щелкнули металлические застежки. Глаза тетушки Гретхен неожиданно округлились. Все недовольство с обрамленного седыми кудрями лица исчезло, словно его и не было.

– Ты снял деньги со счета?

– Петер из отдела финансовых новостей настоятельно рекомендовал немедленно забирать из банков вклады, – мрачно откликнулся дядюшка. Он сидит, понурившись. Пухлые плечи чуть опущены, на лице проступает незнакомое угрюмое выражение. – В Америке страшный обвал на бирже. Он уверен, что этот кошмар докатится и до нас. Те, кто вовремя не заберет из банков деньги, могут их вовсе никогда не увидеть. Хотел бы я, чтоб это было пустое паникерство, но Петер знает свое дело слишком хорошо, чтобы пугаться на ровном месте.

– Если будет, как в двадцать третьем, нам эти деньги не помогут, – тихо вздохнула тетушка.

Пауль неуютно поежился. Он, конечно, двадцать третьего не помнит – ему тогда исполнилось ровно четыре года. А вот взрослым то времечко заполнилось накрепко. Рабочим выдавали зарплату каждый день. Дневную выручку складывали в чемодан пообъемистее. Большой и вместительной сумки денег как раз хватало, чтобы купить капусты и хлеба для ужина. Пауль как-то раз отыскал под кроватью непонятно как завалившуюся зеленоватую бумажку в пятьсот миллиардов марок.

За двадцать пфеннигов можно купить целую пачку сигарет. За марку – большую коробку дорогих конфет. Что можно купить на пятьсот миллиардов? Берлин? Всю Германию? А тетушка равнодушно скомкала принесенную находку и бросила в мусорное ведро.

– Может быть, еще обойдется, – высказал Вильгельм робкую надежду. Непохоже, чтобы он сам верил в то, что говорит.

Пауль, конечно, пробовал расспрашивать дядюшку, что такое этот самый «кризис», и откуда он взялся. Вот только от долгих объяснений о товаре, деньгах и том, как одно превращается в другое, ситуация совершенно не стала яснее. А вот рыжий шарфюрер по имени Отто сумел донести суть проблемы буквально парой фраз.

– Жиды воду мутят. Не успокоятся, пока Германию на куски не разорвут.

Знакомство Пауля с евреями ограничивается семейством глуховатого Абрама Хермана из соседнего дома. И семейство это совсем не производит впечатления зловещей силы, что медленно подкрадывается к истекающему кровью отечеству. Старьевщик, потерявший на фронте четыре пальца на правой руке, слывет туповатым, но добрым малым. Рыжий Отто на попытку прояснить этот вопрос ответил затрещиной. Не сильной, но Пауль на будущее сделал зарубку: шарфюрер, конечно, свой в доску парень, и регулярно подкидывает монетки за раздачу газет, но с вопросами к нему лишний раз лезть не стоит. Одни говорят – всему виной евреи, другие винят буржуев, третьи уточняют, что евреи-то и есть главные буржуи... Пойди разберись.

А вот кто происходящим остался вполне доволен, так это Фриц. Завод, на котором работал его папаша-фронтвик, взялся сокращать производство. Старик Морген оказался среди тех, кого вытолкали на улицу, чтобы урезать расходы. Однако, не растерялся, поднял связи среди старых военных товарищей, и теперь щеголяет в коричневой армейской рубашке, на левом рукаве – красная повязка с черной свастикой. Штурмовые отряды охотно берут бывших военных, так что теперь Морген-старший охраняет нацистские собрания от коммунистов. Впрочем, еще чаще он вместе с товарищами-фронтвиками сам навещает митинги красных. После таких визитов у коммунистов добавляется сломанных носов и выбитых зубов, да и сам Морген частенько появляется на публике с подбитым глазом. Тетушка Гретхен при виде такого соседа недовольно поджимает губы, а вот Фриц ходит, довольный, как монета в пятьдесят пфеннигов: еще бы, папаша-штурмовик!

Отто время от времени заходит в гости. Пауль и Фриц обычно получают по десять-двадцать пфеннигов и кипу газет, которые следует раздать всем желающим, покуда штурмовики вместе с парнями с Леопольдкиц пьют пиво на знакомом пустыре. Время от времени в голове мелькает мысль, что если вырученные таким образом деньги откладывать, то к следующему лету можно будет подумать о покупке велосипеда. Но когда довольный Фриц, справившись со своей пачкой газет, отправляется в ларек за сигаретами, Пауль, как правило, бредет следом. И обязательно дает себе твердое обещание: сейчас куплю одну сигарету за два пфеннига, но остальное отложу, и в следующий раз... Вот только к следующему разу вся выручка оказывается потрачена. И к следующему после следующего в карманах тоже ни гроша. Такая вот рутина.

Пауль так и не понял, зачем они с Фрицем потащились следом за штурмовиками. Шарфюрер Отто с остальными направляются к Данатбанку.

– Там сегодня большой шухер будет. Надо присмотреть, – пояснил Рыжий.

Кризис, о котором все судачат, старательно чистит карманы обитателей Леопольдкиц. Паулю этот самый кризис представляется злобным седовласым карликом в американском красно-белом полосатом цилиндре с пятиконечными звездами. А стараниями Отто и его приятелей, из-под цилиндра во все стороны торчат еврейские пейсы. Злобный старикашка бродит

по Берлину, закрывает мастерские, оставляет людей без работы. Вроде как для сокращения расходов, но обычному работяге не все ли равно, за что выперли на улицу?

А теперь тот самый кризис подобрался к Данатбанку.

– После банкротства «Нордволле» дела у них идут скверно. А еще хуже, что об этом узнали люди на улицах. – Еще вчера объяснял дядюшка сосредоточенно жующему тушеную капусту Паулю. На его вкус, ужину сильно не хватает сосиски, а лучше – сразу двух. Но сосиску тоже съел кризис.

– Кто ж захочет оставлять деньги в банке, если он на грани банкротства? – Вступилась за неудачливых вкладчиков тетюшка Гретхен.

– Конечно, никто. Только, думается мне, они и деньги не спасут, и банк добьют окончательно. – Нерадостно отвечает дядюшка.

Вчера вокруг банка собралась презрительная толпа. К гадалке не ходи – новость уже расползлась по всему Берлину, и сегодня к резным дверям сбежится еще больше народу. Шарфюрера судьба банка волнует не сильно, но где большая толпа – там появляются агитаторы-коммунисты. И вот эту братию Рыжий на берлинских улицах терпеть не собирается.

Присутствие Фрица и Пауля шарфюрера не слишком вдохновило.

– Вас там еще не хватало, мелюзга. Бегай за вами, да следи, чтоб толпа не потоптала, – процедил Отто, смерив притихших мальчишек раздраженным взглядом. Но когда приятели все-таки поплелись следом за ватагой штурмовиков, прогнать не стал.

– А на кой черт мы туда премся? – Спросил Пауль у довольного Фрица.

– Не знаю. Какая разница?

Не то чтобы ответ его удовлетворил, но, наверное, это и впрямь малость поинтереснее, чем пинать старую консервную банку во дворе.

Дошли до Мюллерштрассе. Там вся компания загрузилась в трамвай. Пауль было забеспокоился, что их с Моргеном вытурят как безбилетников, а купить билет не на что. Но парень в кондукторской фуражке смерил штурмовиков настороженным взглядом и решил не подходить. А те не слишком-то стремятся расставаться с наличностью. За окном проплывает серая городская монотонность, перемежаемая яркими вывесками.

Вышли через пару остановок, в глаза бросилась ярко размалеванная стеклянная витрина бара. Здоровенная надпись «Друзья и подруги», а рядом со входом – слащавый парень в белой рубашке с черной бабочкой. Ничего себе, богатенькое место.

Пауль не сразу сообразил, что аляповатая внешность официанта дополняется совсем уж безумной деталью: губами, накрашенными сочной ярко-красной помадой. Тот в ответ награждал мальчишку высокомерно-пренебрежительным взглядом. Спесивая мина сменилась открытым страхом, когда из трамвая горохом посыпались штурмовики в коричневых рубашках.

Крашенный при виде такого подкрепления поспешил ретироваться внутрь заведения. Теперь тарашится тревожно из-за раскрашенной в аляповатые цвета витрины.

– Мусор биологический, – процедил Рыжий, проследив за взглядом Пауля. – Со всех сторон жиды заходят. Мало того, что в Рейхстаге коммунисты сидят, так скоро прямо на улицах мужики друг друга сношать начнут.

– Поучим жизни этих дегенератов? – Предложил один из штурмовиков, поигрывая тяжелым кастетом.

– Не... Полиция кругом. Проблем не оберемся, – неохотно отозвался Отто после недолгого раздумья. – Эй, шпингалет, куда грабли тянешь?!

Пауль, как раз примерившийся стянуть с ближайшего лотка цветастый журнал с обнимающимися дамочками, спешно отдернул руку.

– Нечего детям такое читать. Эту дрянь вообще жечь надо. Вместе с теми, кто ее печатает. – Шарфюрер громко харкнул прямо на яркую обложку. – Пошли.

Дальше шли, обсуждая кафе и его посетителей. Пауль прислушивается к горячей речи Отто, доказывающего поддакивающим слушателям, что долг мужчины – защищать страну, быть отцом и воином, а не дегенератом, умеющим только прыгать по чужим задницам. Странное дело, но разговоры эти удивительным образом совпадают с сетованиями тетушки Грехен о падении нравов. Правда, она, в отличие от штурмовиков, никогда не предлагала собрать подобных персонажей в одну кучу и закопать живьем. А вот рыжий Отто полагает, что таким нехитрым способом можно избавить Германию от доброй половины проблем.

– Куда ни плюнь, либо в извращенца попадешь, либо в астролога. У меня сестра любит на этих долбанных шарлатанов зарплату спускать. – Пожаловался один из штурмовиков. – Понакупит книжек со своей галиматьей, а ее муженек потом у меня бегаёт деньги до получки одалживать, подкаблучник несчастный. . .

– А я вот слышал, Гиммлер из СС этими делами оккультными сильно увлекается, – поделился кто-то незнакомый.

Штурмовики возбужденно загалдели, обсуждая удивительную новость.

– Брехня. – Пресек обсуждение шарфюрер. – Не астрологией он занимается, а древними верованиями. Настоящими, народными, которые потом жида на христианство свое подменили. Понимать разницу надо!

Так, перемежая разговоры о высоком с обсуждениями извращенцев, добрались до массивного здания, вокруг которого успела скопиться изрядная толпа. От внимания Пауля не укрылось, что Фриц, всю дорогу сиявший, будто начищенная монета, заметно приуныл. От толпы впереди веет тревогой и угрюмым ожиданием. Новоприбывшие особого внимания не удостоились: люди то и дело привстают на цыпочки, пытаясь разглядеть, что происходит впереди. Все взгляды направлены в сторону массивных дверей банка. Может быть, изначально люди и пытались образовать какое-то подобие очереди, но сейчас возле тяжелых створок клубится бесформенная толпа.

– Чего мы сюда приперлись вообще? – Пробормотал один из штурмовиков. – Плевать тут все хотели и на нас, и на красных. Им бы деньги спасти.

Коммунисты, кстати, тоже объявились. Юнгштурмовцы в куртках-штурмовках с красными повязками на рукавах выглядят такими же потерянными, как и Отто со своими парнями. И окружающие точно так же не обращают на них внимания.

Над площадью повисло угрюмое ожидание. Кое-где переругиваются вкладчики с мешками и чемоданами, пытаются протиснуться поближе к заветным дверям, но большинство молча стоит, ожидая непонятно чего. Рыжий заметно приуныл, да и остальные выглядят безрадостно. Попытались было играть в гляделки с коммунистами, но вскоре махнули друг на друга рукой: противников разделяет тревожно гудящая толпа, через которую друг к другу еще пойдешь протолкайся.

Пауль уже подумывал, как бы незаметно слинять из скучного места, когда по толпе прошелся невнятный ропот. Источник его обнаружился легко: десяток полицейских в зеленых мундирах оттесняют людей от входа. За спинами полицейских клерки спешно закрывают двери.

– Верните людям деньги, воры!

Истошный крик взбудоражил толпу. Человеческая масса, подавшаяся было назад, угрожающе качнулась вперед.

– Бей буржуев! – Возглас откуда-то со стороны коммунистов.

– Деньги верните!

– Долой!

– А ну прекратить! – Рывкнул здоровенный полицейский. – Не чинить беззакония! Деньги вкладчикам будут возвращены согласно закону! Никуда ваши сбережения не пропадут! Перерыв объявляется для обеспечения порядка!

– Врешь!

– Деньги верните!

– Бей буржуев!

Толпа заволновалась.

– Плакали теперь денежки... Что же я жене скажу... – Пробормотал стоявший неподалеку мужчина в потертом пиджаке. Пониженные плечи, опущенная голова. Пауль на миг поймал его взгляд: равнодушный, усталый и отстраненный.

– Что делается, что делается!

– Воров защищаете, мерзавцы!

– Граждане, сохраняйте порядок и подчиняйтесь законным требованиям полиции!

Люди бестолково мечутся из стороны в сторону. Толпа то подается вперед, то отступает обратно от орущих и требующих соблюдать закон полицейских. Пауль, зажатый среди штурмовиков, ощущает себя крохотной щепкой. Волны швыряют беспомощную игрушку в разные стороны. Мелькнула физиономия Фрица. На побледневшем лице огромные, полные страха глаза-плошки. Штурмовики осыпают окружающих бранью, но ничего не могут поделать с беспокойным человеческим потоком.

– Прразойдись, кому говорю!

Какое-то время они беспомощно барахтались в толпе. Люди вот-вот устремятся на штурм закрытых дверей. Хлипкую цепь из полицейских снесут с пути, вышибут двери, ворвутся внутрь. Вокруг ярость и злоба на весь мир. На банкиров, что присваивают чужие деньги, наплевав на нужды простых людей. На власти, что равнодушно попустительствуют грабежу. На полицейских, что вроде бы должны защищать закон, а на деле стоят все за тех же банкиров. Злоба копится, но для того, чтобы выплеснуться наружу, нужен прилив храбрости, импульс отчаяния, который поведет вперед... А вместо него приходит страх. И Пауль вдруг с необъяснимой ясностью ощутил, как нерешительность перед затянутыми в зеленые мундиры полицией берет верх. Толпа подалась назад, распадаясь на отдельные группки людей, опустошенных, раздавленных, медленно расходящихся прочь. Чемоданы, в которые так и не удалось сложить доверенные банку деньги, бестолково болтаются в руках у владельцев.

Штурмовики медленно бредут по улице. Пауль идет неподалеку от рыжего Отто, рядом шагает притихший Фриц.

– Все просрала! – С неожиданной яростью процедил шарфюрер. – Войну просрала. Страну просрала. Прямо из-под носа Германию стащили, а теперь деньги с них стригут, как с баранов. А чего бы не стричь? Рывкнул разок – и все. Расползлись по домам, ныть и жаловаться на плохие времена. А как временам стать лучше, если за них не бороться?

– Как мы только могли докатиться до жизни такой. Правительство обирает собственных граждан. Что дальше? Начнут, как в России, отбирать у людей дома и имущество? Отправят в колхозы и лагеря?

– Не сгущай краски, Гретхен, – тихо вздохнул дядюшка Вилли, с растерянным видом опуская сахар в кофе.

Герр и фрау Майер ухитряются в любой ситуации сохранять внутри небольшой квартиры покой и благополучие. Как будто кирпичные стены и окна с белыми занавесками нерушимым рубежом отсекали большой и страшный мир. Правда, иногда Паулю кажется, что благочинная устроенность, в которой есть место кофе, сахару и степенным разговорам на кухне, больше похожа на ракушку, в которой прячется улитка. И пытается забыть, насколько хрупки на самом деле стены ее жилища.

Тетушка гневно сверкнула глазами. В эти дни правительство не ругает только ленивый, да еще дядюшка Вилли сохраняет каменное спокойствие. После случая с Данатбанком люди по всему Берлину бросились снимать деньги со счетов: рассудили, что завтра обманутыми

вкладчиками могут оказаться уже они сами. Лучше проявить благоразумие и подсуеетиться заранее.

В результате улицы забиты этими «благоразумными и подсуеетившимися». У каждой банковской конторы очередь с мешками и чемоданами, тревожные слухи распространяются, словно пожар. Тут и там раздаются беспокойные шепотки: деньги из Берлина по ночам вывозят товарными вагонами в Вильгельмсхафен, откуда пароходами отправляют в Америку, чтобы компенсировать расходы Рокфеллера и его «Стандарт Ойл».

А вчера банки закрылись сразу по всей стране. Правительство объявило следующие дни «банковскими праздниками». Редкие счастливицы, кому удалось спасти деньги, чаще помалкивают: не желают злить налившееся угрюмой злобой большинство.

– Брюнинг⁷, конечно, обозлил на себя всех. Банкиров – тем, что урезал прибыли и заставил отчитываться перед государством. Народ – за то, что спас банкиров за счет простых людей. Но, все-таки, он спас экономику от полного коллапса. Спас ценой собственной карьеры. Даже думать не хочу, кто в итоге выйдет победителем из этого хаоса...

Последние слова дядя Вилли произнес тихо, словно страшится, что таинственный злодей немедля выскочит из-под дивана.

– Евреи? – Высказал предположение Пауль. И получил в ответ полный растерянного удивления взгляд.

– Евреи? При чем тут евреи?

– Ну... люди так говорят, – пробурчал Пауль, уставившись на носки домашних тапочек.

Вообще-то так говорит Рыжий – что весь кризис придумали жида, чтобы погубить Германию. Но не рассказывать же при тетушке, что знается с штурмовиками?

– У людей в голове вечно каша напополам с желанием скинуть на кого-нибудь ответственность за свои беды. – Недовольно покачал головой дядюшка. – А еще – жажда железной руки, которая наведет порядок, раз и навсегда избавив от потребности самостоятельно определять свою жизнь.

– И это очень разумное и вполне понятное желание, – немедленно отозвалась тетушка. – При кайзере мы потому и жили по-людски, что голытьбу и мошенников держали стальной хваткой и не позволяли мешать приличным людям устраивать свой быт.

– Именно подобная ностальгия и льет воду на мельницу нацистов. – Тяжело вздохнул дядюшка. Супруга в ответ лишь раздраженно пожала плечами. На лице проступило такое выражение, будто она увидела жирного таракана посреди свежей простыни.

– Дуболом-ефрейтор – спаситель отечества? Нонсенс! Что он, что грузчик Тельман⁸ с его семью классами образования сидят в Рейхстаге лишь потому, что собрали голоса городских сумасшедших со всей Германии.

– Боюсь, на предстоящих выборах за Гитлера с Тельманом проголосуют не только городские сумасшедшие.

Отрывной календарь на стене в прихожей потихоньку худеет. Тетушка методично и размеренно отрывает каждый день по одному листку. Вот миновал август, начался сентябрь, однако даже школьная рутина не может отвлечь от гнетущего чувства, все вернее разливающегося по берлинским улицам. Напряжение растет с каждым днем. А вместе с ним непрестанно увеличивается количество пробитых голов. Штурмовики и ротфронтовцы словно с цепи сорвались, бьют друг друга по каждому поводу.

– А ведь были времена, когда партии и политики перед выборами не превращали улицы в одну сплошную потасовку, – время от времени замечает тетушка. И косится на дядюшку

⁷ Генрих Брюнинг – рейхсканцлер Веймарской республики в период Великой Депрессии (1930—1932)

⁸ Эрнст Тельман – глава Коммунистической Партии Германии.

Вилли. Он раньше голосовал за социал-демократов, устроивших в девятнадцатом году революцию и свергнувших кайзера. Фрау Майер твердо убеждена, что именно тогда-то благополучная жизнь немецкого обывателя и покатила в бездну. И не устает напоминать об этом супругу, хотя тот на всех последних выборах исправно голосует за Партию Центра. Насколько Пауль смог понять, дядюшка Вилли циничнейшим образом променял политические убеждения на семейное благополучие. В конце концов, тетушку он видит каждый день, а Рейхстаг выбирает раз в два года.

Сам Пауль тоже с удовольствием проголосовал бы на выборах, но ждать этого события придется еще почти семь лет. Бездна времени...

А вот Рыжий Отто к избирательному процессу относится с нескрываемым презрением.

– Выборы жиды придумали. – Объясняет он в очередной раз собравшимся на пивные посиделки парням с Леопольдкиц. – Демократия, ха! Наплодили два десятка партий, которые только и делают, что обещают. То обещают, это обещают... А как в Рейхстаге задницы умастят – враз склерозом обзаваются. А попробуй поймать такого – найдет сотню отговорок и свалит вину на соседа. Вот так они и валят друг на друга. Воруют и отбрехиваются, отбрехиваются и воруют. Одно слово – паразиты.

– А чего ж нацисты вместе со всеми на выборы идут? – Подколол шарфюрера один из слушателей.

– Мы бьем врага его же оружием! – Не полез за словом в карман Отто. – Когда победим, враз со всей этой кутерьмой покончим. А все почему?

На этом месте Рыжий окинул рассевавшихся вокруг парней суровым взглядом. Прямо как настоящий оратор в какой-нибудь пивной. Нацисты вечно собираются в огромных пивных и выступают перед собравшимися. Не забывая брать деньги за вход. А гитлерюгенд в это время с молодежью работает. Правда, не в пивной, а на скамеечках в пустырях. Пауля такое положение дел только радует: в пивную его пока не пускают, а с пустыря никто не гонит.

– Потому что наша, подлинная, немецкая демократия – это фюрер, которого мы слушаемся беспрекословно. Как командира на фронте. Он – лучший из нас, усекли? Побольше других понимает. И ответственность вся на нем. Он один за все отвечает. И никаких тебе уверток.

– Ну а если твой фюрер лажу гнать начнет? – С ухмылкой спросил Юрген, пока Отто прикладывался к тяжелой пивной кружке.

– А если так, то фюрера такого в шею без всяких церемоний. Вот это и есть настоящая власть народа.

Слушатели ответили одобрителем гулом. И впрямь заманчиво. А то наплодят комиссий, комитетов, утопят все в бесконечной говорильне... Все разворовано, все развалено, а никто будто бы и не виноват. А у нацистов никаких увиливаний.

– Только Гитлер – он настоящий вождь. – Твердо закончил Рыжий. – Это тебе не балабол из Рейхстага. Встанет у руля – мы в нужном направлении пойдём, тут уж не сомневайтесь.

Выборы – это всегда интересно. Ради такого события можно и начистить до блеска ботинки, и вычистить форменный пиджак. Обычно Пауль влезает в школьную сбрю без малейшего удовольствия, однако сегодня – совсем другое дело.

Отрывной календарь показал, наконец, заветную, украшенную вензелями надпись «14 сентября 1930 года».

Пауль не сразу сообразил, что за нехорошее потрескивание отвлекает от пространных размышлений ни о чем. Лишь когда от включенного в розетку утюга докатилась волна сухого жара, вспомнил, что собирался выгладить костюм. Перегрел. Нечего было глазеть, как тетушка в строгом темном платье примеряет широкополую шляпку. Этот предмет гардероба она достает лишь по самым торжественным случаям.

Спихватившись, торопливо выдернул утюг из розетки, покуда тяжеленная машинка не начала трещать, будто полновесный костер. Если тетушка узнает, что он опять зазевался и передержал прибор включенным в сеть – точно попадет.

Выждав, пока раскаленное железо чуть остынет, Пауль принялся осторожно разглаживать школьный пиджак. Обычно он куда менее требователен к одежде. Всерьез о ней заботиться приходится по настоянию тетушки. Ей время от времени приходит в голову проверить внешний вид отправляющегося в школу воспитанника. Но ради возможности попасть с взрослыми на выборы можно и постараться.

Усердие всецело оправдалось: тетушка, придирчиво оглядев пиджак, ограничилась удовлетворенным кивком. Пауль незаметно перевел дух. Если ей не понравится – вполне может заставить переделывать. А это значит заново разогревать под недовольным взглядом утюг, выглаживать все складочки неудобного пиджака, а он так и норовит свалиться с доски... Та еще морока.

Улица встретила осенней утренней прохладой и воскресной тишиной. Обычно Пауль добегают до школы – а избирательный участок расположился именно там – минут за пять. Господа Майер, однако, идут чинно и неспешно, отвечая на приветствия соседей. Дядюшка Вилли поддерживает супругу под локоть. Ни дать ни взять – те самые старые добрые времена кайзера Вильгельма, когда почтенные немецкие граждане неспешно шли на выборы. А в Рейхстаг избирались столь же почтенные и степенные господа.

Иллюзия разбилась, когда за поворотом показалось здание школы. У самого крыльца подпирает стенку папаша Фрица. В коричневой рубашке, с красной повязкой со свастикой, он как раз протягивает папироску скучающему рядом полицая. Тот в качестве ответной любезности поделился со стариком Моргеном зажженной спичкой. Брови тетушки от такого зрелища сошлись к самой переносице. Ей явно не пришлось по нраву возвращение в суровую реальность, где служители закона не тащат дебоширов-штурмовиков в кутузку, а вполне мирно перекуривают, обсуждая последние новости.

– Сегодня довольнолюдно, – заметил дядюшка Вилли, окинув взглядом пространство перед школой. Оно и впрямь заполнено желающими проголосовать. – На прошлых выборах народу было куда меньше... О, и молодежь решила проявить гражданскую позицию!

Пауль, увлекшийся созерцанием полица и папаши Фрица, не сразу узнал брата с женой. Удивительного мало: за последние несколько лет он видел Рудольфа всего несколько раз. Пару лет назад брат женился, и взрослая жизнь со всеми ее бедами и неурядицами захватила с головой. Хотя он и до свадьбы уделял подобным делам слишком много внимания. По крайней мере, на вкус Пауля.

– Здравствуйте, фрау Майер. Добрый день, герр Майер. Привет Пауль.

Обменялись рукопожатиями. Жена Рудольфа стоит рядом, чем-то неуловимо напоминая тетушку Гретхен. Наверное, лет через тридцать Марта Блау станет ее точной копией. Спокойная, с чинно уложенной прической, строгое черное платье точь-в-точь как у Марлен Дитрих на рекламном плакате.

– Как поживает малютка Ильзе? – Первым делом спросила тетушка.

– Благодарю вас, все хорошо.

Пауль видел племянницу всего раз в жизни. Случилось это событие три года назад, через пару недель после ее рождения. Вид посапывающего свертка, в котором едва можно разглядеть крохотное детское личико, навел тогда на странные размышления. Его, конечно, не удивило появление ребенка – у взрослых они время от времени заводятся. Однако тот факт, что жена и дочь теперь есть и у брата, неизбежно приводят к мысли, что рано или поздно они появятся у самого Пауля. И перспектива эта кажется настолько странной и неестественной, что пойдешь сообрази, как на нее реагировать.

– За кого же нынче голосует юное поколение? – Поинтересовался дядюшка Вилли.

– За национал-социалистов, – охотно отозвался брат.

Тетушка, услышав такие новости, задохнулась от возмущения.

– Поверить не могу, Рудольф, что ты, с твоим-то умом, веришь посулам этого бездарного прохиндея!

– Гитлер – не прохиндей, а солдат, сражавшийся за свою страну, фрау Майер. – Паулю показалось, что за вежливым спокойствием брата проскользнуло явное раздражение. – И сегодня продолжает сражаться, в то время как уважаемые господа во власти душат простой народ репарациями⁹, вывозя из страны деньги целыми вагонами. Думаю, герой войны, добивающийся справедливости для народа, за который он сражался, заслуживает некоторого уважения.

– Много какой-то ефрейтор понимает в государственном управлении!

– Лучше быть сражавшимся за страну ефрейтором, чем продавшим ее генералом. – Резко ответил Рудольф. Пожалуй, даже резче, чем следовало бы.

Дядюшка нарочито громко кашлянул. Нелепый звук немного разрядил обстановку, грозившую обернуться настоящим скандалом.

– Пойдем, Пауль. – Ледяным голосом велела тетушка, оставив злые слова Рудольфа без ответа.

Прощались все так же чинно, но с явно различной прохладцей.

– Заходи в гости, – подмигнул брат, когда пожимал Паулю руку.

Тетушка проводила юную пару мрачным взглядом. Встреча ее разозлила куда сильнее, чем любезничающий с штурмовиком полицейский. Эти двое, кстати, как раз бросили папиросы и направились обратно в сторону избирательного участка.

Лучше ее сегодня не злить.

⁹ После первой мировой войны на Германию были наложены репарации в размере 269 миллиардов золотых марок, что соответствует примерно 100 тысячам тонн золота. Выплаты репараций легли на экономику страны тяжелейшим бременем.

Глава 3

Нацисты на выборах уступили только социал-демократам. Еще вчера приличные политики брезгливо смотрели на них сверху вниз, а сегодня наци – вторая политическая сила в стране. В затылок Гитлеру дышит Тельман с его коммунистами.

Тетушка еще неделю после оглашения результатов ходила мрачнее тучи. Раньше она мирилась с присутствием нацистов и коммунистов в Рейхстаге, объясняя его городскими сумасшедшими и туповатыми, падкими до громких речей люмпенами. Теперь же, когда «бесноватый ефрейтор и неграмотный грузчик» поделили на двоих без малого половину Рейхстага, она твердо уверилась, что Германия катится в бездну. Пауль, напротив, ожидает, что теперь-то и начнется самое интересное.

Вот только время идет, дни сменяются днями. Интересное начинаться не спешит. Да и Германия как будто не собирается катиться ни в какую бездну. По-прежнему приходится ходить в школу, где все те же самые учителя заставляют зубрить все ту же самую математику, читать скучные книжки и заниматься чистописанием. С последним дела совсем не задались: старая дядюшкина перьевая ручка то и дело протекает. На бумаге из-за этого остаются жирные черные кляксы. Однако, ни учитель чистописания господин Шульце, ни тетушка Гретхен ни в какую не желают принимать это объяснение. Прилежности ему, видите ли, не хватает! Пауль попытался звать к дядюшке, но тот в его присутствии демонстративно исписал той самой ручкой целый бумажный лист. Ровным, выверенным почерком. И ни единой, самой маленькой кляксы. Еще и от тетушки потом попало, что отвлекает дядю по пустякам. Одним словом, жизнь уверенно и неумолимо вползла в привычное русло.

Если б Паулю сказали, что из этого самого русла ее выбьет кино, он бы вряд ли понял, о чем речь. Однако, так оно и оказалось.

Первые плакаты на улицах появились поздней осенью. Угрюмое молодое лицо в солдатском шлеме смотрит с бумажного листа тяжелым пустым взглядом. Над ним нависает вычурная надпись готическим шрифтом: «На западном фронте без перемен». Кино Пауль любит. Кто в здравом уме и доброй памяти не любит кино? Но на этот фильм не позволил бы себя затащить ни за какие коврижки. Есть в нем что-то такое, от чего хочется держаться подальше.

У штурмовиков киноновинка вызвала состояние, которое иначе как бешенством и назвать нельзя. Пауль как раз прибил к отмечающей что-то компании, когда речь зашла про грядущую премьеру.

– Американцы не просто так про эту дрянь кино делать взялись. – Объясняет шарфюрер штурмовикам и присоединившимся парням с Леопольдкиц. – Они хитро просчитали. Говорят, ради кассовых сборов все, но это чепуха. Не для денег делается. По немецкому народу они бьют. Приучают, что ни героев у нас в прошлом не было, ни величия, одна грязь сплошная. И что отцы и деды только и умели, что в той грязи возиться. Сначала косящий под француза жид книжку напишет, потом по ней фильм снимут... Дрессируют нас, будто собаку.

Шарфюрер оглядел притихших слушателей тяжелым взором. Пауль сидит тише воды, ниже травы. Речи эти ему хорошо знакомы: не далее как вчера что-то подобное говорила и тетушка. А вот дядюшка Вилли возражал, что настоящую солдатскую жизнь злополучный автор описал с пугающей правдоподобностью. Кому же верить? Шарфюрер уверен, что все фронтовики были героями, которые только и делали, что совершали всякие подвиги и непрерывно жертвовали собой во имя Германии. Вот только ни Рыжий, ни остальные из гитлерюгенда сами фронта не видели. А дядя на нем побывал, правда не солдатом, а корреспондентом. Вильгельм Майер о войне рассказывать не любит. А если уж заходит о ней речь, то куда чаще вспоминает не подвиги и героев, а грязь, вшей, постоянный голод и тяжелый труд на износ.

Наверное, правильное мнение о фронте не составишь, пока сам там не побываешь. Вот только ни фронтов, ни войн вроде как не предвидится, да оно и к лучшему: в герои Пауль вовсе не рвется, а в грязь, ко вшам в гости – тем более.

– Ну да, – согласился один из штурмовиков, – они нас дрессируют, а мы что же? Так и будем сидеть тихо? Только и можем, что красных по подворотням шугать.

– Что, в кутузку не терпится? – Резко возразил другой парень в коричневой рубашке, – ну разгоним мы всем шаром¹⁰ один кинотеатр, дальше-то чего? Фильм как крутили, так и будут крутить, а вот мы после такого фортеля выйдем не сразу. Еще и от командования за самодеятельность втык получим...

– Не получим. – Шарфюрер резко рубанул ладонью воздух. – И пойдем мы туда не шаром, а штурмом¹¹. Штурмфюрер меня на этот счет уже предупредил. Весь гитлерюгенд пойдет. По всей Германии. Устроим уродам такую премьеру, чтоб запомнили. И не дергайтесь насчет полиции. Наверху все схвачено. Самое время показать этим отбросам, что их время уходит.

– Пауль. – Голос у тетушки строгий и жесткий настолько, что булка с повидлом встала поперек горла. Ранний завтрак враз потерял половину вкуса и запаха. Когда тетушка говорит таким тоном – добра не жди. – Ровно неделю назад ты сказал мне, что в твоей тетради по чистописанию будет не более трех клякс или ошибок. И сегодня я намерена проверить, насколько ты это обещание сдержал.

Настроение от таких новостей окончательно скисло. Что же он, виноват, что дурацкая перьевая ручка только и делает, что сажает эти чертовы кляксы? Теперь только надеяться, что тетушка забудет о своем намерении. Хотя, занятие более бессмысленное походи отыщи: раз уж тетушка собралась проверять его тетради – не отступится. А, значит, быть беде.

– Да, тетушка, – послушно ответил Пауль.

Он попытался сделать вид, будто предстоящая проверка не сильно-то его и заботит. Даже получилось – быть может, оттого, что грядущая головомойка занимает в голове места куда меньше, чем сегодняшний «поход в кино».

Вообще-то, Рыжий с приятелями никуда его не звали. Но стоит вспомнить, как у штурмовиков горят глаза, когда они говорят о наступлении новых времен... Пауль с трудом представляет, как эти самые новые времена должны выглядеть. Но совершенно точно обязан собственными глазами увидеть их наступление. Как удачно получилось, что наступать они собираются как раз возле небольшого кинотеатра на Мюллерштрассе.

Наконец, с завтраком покончено. Чинно поблагодарив тетушку, Пауль подхватил ранец с книжками. Интересно, а в обещанной новой эпохе будет место школам и учебникам?

Закрыв дверь, спустился по скрипучей деревянной лестнице. Улица встретила черно-белой чересполосицей. За ночь выпало немало снега, но за минувшее время он основательно подтаял. Кое-где вместо белого покрова красуются грязно-черные лужи. Весь Берлин будто превратился в безликий черно-белый лабиринт, наполненный спешащими людьми. Одинаковые поднятые воротники, надвинутые на самый нос кепки и шляпы, руки прячутся в карманах. А сверху непрерывно сыплет нечто среднее между дождем и снегом. Еще пара недель, и можно будет поиграть в снежки.

Недалеко от школы его окликнули. Фриц, когда холодно, щеголяет в старой форменной шинели, оставшейся еще с тех времен, когда в школу ходил не он, а его папаша. Пара аккуратных заплаток, а за спиной – точно такой же школьный ранец с книжками.

– Ну что, сегодня после математики сбегает?

¹⁰ Шар (Shar) – Подразделение СА и Гитлерюгенд, насчитывающее от 4 до 12 человек. Возглавлялось шарфюрером.

¹¹ Штурм (Sturm) – Подразделение СА и Гитлерюгенд, примерно соответствующее армейской роте. Насчитывало около 100 человек. Возглавлялось штурмфюрером.

Прятели договорились удрать после второго урока.

– А, может, ну ее, эту школу? – Предложил Пауль. Изначальный план подразумевал, что на математике и чистописании они все-таки побывают. Но раз уж головомойка от тетушки неизбежна, нет никакого резона увеличивать количество клякс в тетради. Тем более, количество это и без того удручает.

Морген, как и ожидалось, возражать не стал. Забрались в заброшенные сараи недалеко от школы. Пауль вытащил из нагрудного кармана пару помятых сигарет, угостил приятеля. Какое-то время молча курили, пуская дым навстречу морозящему с серого неба дождю.

– Как думаешь, а мы на фронт поедем? – Неожиданно спросил Фриц.

– На какой еще фронт?

– Ну, мало ли. Батя вот говорит, даже если красных в Германии одолеем, надо будет еще в Россию идти, чтоб там их бить. А не то они сами придут, чтобы всех в лагеря посадить.

– Дурь какая-то.

– Может, и дурь. Только у меня-то отец на фронте был, да и твой тоже. И деда тоже в армию брали, с французами воевать. Выходит, и мы с тобой воевать поедем, когда время придет?

– Не хочу я воевать. Мало того, что лишения терпеть, так потом про тебя еще вранье в кино снимать будут. – Сердито отозвался Пауль.

– А ну как не вранье? – Неожиданно спросил Фриц.

– Ты смотри Рыжему такое не брякни.

Дурацкий разговор получился. Война всегда казалась чем-то далеким и прошлым. Этакая жуткая гадина, наподобие выгоняющего людей с работы кризиса. Только война не сосиски из магазинов крадет, а откусывает пальцы, калечит лица, отрывает ноги... До того, как Морген полез к нему со своими глупостями, Пауль полагал, что война обитает исключительно в фильмах. Перспектива встретиться с ней лицом к лицу не сильно вдохновляет.

– А если все-таки будет война, то я хочу на Западный фронт поехать. – Попытался развить тему Фриц.

– Почему на Западный?

– Ну а куда? К русским что ли? Кому они нужны... Вот лягушатникам задницу надрать – это дело.

– Смотри, как бы они тебе задницу не надрали. – Буркнул в ответ Пауль. Хотя, если уж положить руку на сердце, Фриц кругом прав. Русские далеко, сидят со своими комиссарами посреди вечной мерзлоты и никому, кроме самих себя, жить не мешают. Другое дело – французы. Лягушатников не любят еще сильнее евреев – за то, что обманом победили в войне, а теперь тянут из полумертвой Германии последний пфенниг на репарации. В двадцать третьем, когда дела пошли совсем плохо, французы не получили денег и ввели войска в Рур. Вели они там себя, как свиньи: убивали, грабили, калечили. Одним словом, редкие мерзавцы.

– Как думаешь, неужто полиция и впрямь гитлерюгенду спустит, если они кинотеатр разгромят? – Сменил тему Фриц.

– Может, и спустят. Нацисты теперь в Рейхстаге сидят.

Первое же заседание парламента нацисты сорвали к чертовой матери. Принялись на пару с коммунистами скандировать лозунги. Одни кричали про смерть евреям, другие объявляли классовую борьбу, как они там не передрались – одному Богу ведомо. Зато теперь стоит где полицейскому хоть чем-то ущемить штурмовиков – как из-под земли появится их собрат в коричневой рубашке, повязке со свастикой и удостоверением депутата Рейхстага. Полиция и раньше на проделки коричневых смотрела сквозь пальцы, а сейчас и вовсе махнула рукой.

Возле пивной на Мюллерштрассе царит непривычное оживление. Штурмовиков здесь всегда хватает – у них в питейном заведении что-то вроде штаб-квартиры. Сегодня моло-

дые парни заполонили всю улицу. В одних рубашках по осеннему времени не пощеголяешь, но у каждого на рукаве шинели или куртки красуется красная повязка со свастикой.

– Стройся! Стройся! Да куда ты, олух, со знаменем в самый хвост встаешь?!

Крики труппфюреров, всеобщая неразбериха, редкие прохожие встревоженно жмутся к самым домам.

– Эй, шпингалет! – Знакомый голос прозвучал как раз в тот самый момент, когда Пауль окончательно почувствовал себя мелкой потерявшейся букашкой в царящей вокруг кутерьме.

– Чего это вы не в школе? – Потертая кожаная куртка Рыжего расстегнута, из-за пазухи торчит рукоять ножа.

– А мы тоже с киноном воевать пришли! – Нашелся Фриц.

Шарфюрер в ответ весело заржал.

– Вояки, разэтак вас... Рядом держитесь, мелюзга.

Пауль перевел дух. Было бы жуть как обидно, прикажи Рыжий проваливать на все четыре стороны и не путаться под ногами.

– Отто, дети-то там зачем? Э... Не понял. Ты какого черта не в школе?!

Фриц при первых же звуках отцовского голоса сдулся, будто лопнувший воздушный шарик. Старик Морген протолкался через ряды гитлерюгендовцев и теперь нависает над сыном.

– Ну, мы это... – Проямлил приятель, опустив глаза. И замолк. Никакого объяснения, какое такое «это» сподвигло прогулять школу, нет и не предвидится. А вот что предвидится, так это серьезная трепка: от Моргена-старшего не заржавеет.

– Чего «это»?! Я с тебя, паршивец, шкуру спущу. А ну, марш в школу!

– Да оставь ты его, – неожиданно вмешался Отто. – Чего там в этой школе ему толкового расскажут?

– То есть как это «чего толкового»? – Удивленно переспросил Морген-старший. С таким видом, будто не может понять, шутит шарфюрер, или все-таки пытается говорить серьезно. – Это ж школа!

– Ну и что «школа»? Выучат его задачки решать. Дальше чего? Тебе на фронте школа сильно помогла? А реальная жизнь – вот она. Мы здесь, сейчас делаем историю, понимаешь? А умники, которые хорошо учились в школе, будут потом эту историю записывать. Так, как мы им скажем. Не гони ты его. Здесь и есть сейчас самая важная школа.

Пауль только и может, что восхищенно хлопать глазами. Красиво Рыжий говорит. И действительно, что толку от умения поделить теорему на гипотенузу? Вот только вряд ли папаша Фрица такую манеру мышления одобрит. Взрослые на этот счет обычно смотрят совсем иначе.

Вопреки ожиданиям, Морген-старший крепко задумался.

– Ладно. Черт с тобой. – И замолчал, теребя нервными пальцами мятую папиросу. Пауль поймал его взгляд – тяжелый, угрюмый, где-то в глубине затаилась непонятная, обреченная неуверенность.

А Фриц только и может, что стоять и молча хлопать глазами. Как будто до сих пор не может поверить, что вместо доброй порки получил от родителя разрешение остаться с гитлерюгендовцами. Пауль невольно ощутил укол зависти. Все-таки, классный у него папаша. Фронтовик, боевой мужик... С дядюшкой Вилли, небось, в одной колонне не помаршируешь!

– Может, оно и правильно, – глухо пробормотал Морген, подняв глаза к серому небу. – Мне отец всю жизнь говорил, чтоб я учился. Учился, учился... Из крестьян вон в рабочие выбился. Собирался даже на инженера идти, деньги копил. А потом война. И все. Всю жизнь в сортир спустил. Чего мне толку от той школы. Наверное, и впрямь новые времена наступят. Правильно красные говорят. Все теперь по-новому будет.

– Чего ж ты с такими взглядами в Ротфронт не пошел? – Недоуменно спросили откуда-то сбоку.

– Да что я, совсем на голову больной? Я в восемнадцатом на большевиков в России насмотрелся.

– Так ты на Восточном фронте был?

– Ясное дело! До самого Киева дошли. Вот и говорю, насмотрелся я там на коммунистов. Русские нас после красных за освободителей считали. – Морген неопределенно махнул рукой. Докуренная сигарета полетела на асфальт. – Папиросой угостите, что ли. Как про войну вспоминаю – всегда курить хочется.

Один из гитлерюгендовцев молча протянул ему пачку.

– Ага, спасибо. Так о чем я... – Спичку Морген зажег лишь с третьей попытки. Затянулся, зажмурившись от удовольствия. Вокруг растекается вонючий запах дешевого табака. – Говорят-то они красиво. Про новые времена, про справедливость, что трудовой народ править должен. Дело говорят. Только что толку? Как власть взяли, такой порядок устроили, что тот трудовой народ натурально с голодудохнуть начал. И у нас то же самое хотели устроить. Спасибо, фрайкор¹² этих революционеров драных по фонарям вовремя развесил. Не то нахлебались бы горя.

– Олаф! Ну где ты там со штандартом таскаешься?! – Громкий крик откуда-то спереди. Вскоре мимо пробежал долговязый парень – не иначе, тот самый Олаф. На тяжелом древке с перекладной болтается алое знамя со свастикой.

– Шагоооооо... Марш!

Колонна гитлерюгендовцев качнулась вперед. Пауль, никогда раньше не ходивший в настоящем строю, испугался было, что здоровенные детины затопчут их с Фрицем к чертовой матери. Но уже через пару шагов приноровился к всеобщему движению. Главное, в такт с остальными перебирать ногами. И вот ты уже не сам по себе, а часть чего-то несравнимо большего.

Его захватило странное, незнакомое чувство. Как будто вся прошлая жизнь – просто предлюдия к тому, что происходит сейчас. Возможно, впервые в жизни он вдруг ощутил себя чем-то большим, чем мелкий мальчишка, умеющий только докуривать брошенные другими окурки да получать выволочки за плохое поведение. Все, что он делал раньше – путался под ногами у кого ни попадя. Здесь же, пусть его макушка едва достает до плеча соседа, он неожиданно ощутил нечто, немыслимое ранее. Он ощутил себя нужным.

Мимо змеятся знакомые улицы. Грязные серые домики, на которых тут и там мелькает цветастая реклама кафетериев и магазинов. Встретившиеся на пути прохожие спешно отступают к самым домам, давая путь колонне. Во главе долговязый Олаф тащит тяжелый красный штандарт, с которого в белом круге хищно смотрит на мир черная свастика. А над ней золотым шитьем горит яростный призыв: «Германия, пробудись!»

– Знамена – ввысь! – Рывкнул спереди штурмфюрер.

Окружающие взорвались оглушительным ревом, в котором далеко не сразу угадываются хорошо знакомые слова песни Хорста Весселя¹³:

Знамена – вверх! Ряды сомкните плотно.
СА идут, чеканя твердый шаг.
Товарищи, убитые Ротфронтом,
Незримо с нами в штурмовых рядах.

Свободна коричневым батальонам дорога,

¹² Фрайкор (Freikorps) – добровольческие полувоенные формирования. В послевоенной Германии сыграли ключевую роль в подавлении коммунистического движения, выступавшего за установление советской власти.

¹³ Песня Хорста Весселя – гимн штурмовых отрядов. Перевод автора.

Штурмовые отряды шагают вперед.
Знамена со свастикой – надежда народа.
Нам хлеб и волю новый день несет.

Рядом, захлебываясь от восторга, фальцетом подпевает Фриц. И сам Пауль тоже вопит, что хватает духу. Получается совсем немusыкально, но зато – от души!

А вот и кинотеатр. Несостоявшиеся зрители брызнули прочь от касс. Следом припустил и кассир в форменной фуражке. Знает кошка, чье сало съела!

– Евреи – вон!!!

– Смерть позору нации!

– Гони жидов!

Гитлерюгенд орут, словно заведенные. Рядом яростно визжит Фриц. Пауль не отстает. Кое-кто из штурмовиков забежал внутрь кинотеатра, но большинство остались снаружи. И чего они, так и будут под окнами вопить, как коты мартовские?

Внутри гулко гроыхнуло. И еще раз.

– Они что, гранату там взорвали?!

– Да что мы, совсем отбитые? Шашку дымовую. – Ухмыльнулся довольный шарфюрер.

Из распахнутых настежь дверей и впрямь потянуло вонючим дымом. Люди, зажимая носы и кашляя, выбегают прочь – только чтобы оказаться под градом перемешанных с грязью снежков. Гитлерюгендовцы, азартно вопя, закидывают «позор нации».

Пауль вместе со всеми кидается кое-как слепленными снарядами. В иное время и не подумал бы хвататься за мешанину, в которой больше полужидкой грязи, чем настоящего снега. Но все вокруг с радостным улюлюканьем бесятся, забрасывая решивших причаститься неправильному искусству. Как тут останешься в стороне?

Фриц ухитрился метким броском сбить импозантному господину с головы шляпу. Остальные встретили удачное попадание оглушительным гоготом. Пострадавший бросился прочь – прямиком к стоящим в стороне полицейским. Размахивает руками, требует чего-то... Но стражи порядка лишь равнодушно пожимают плечами. Наконец, вахмистр с роскошными усищами небрежно махнул рукой. Иди, мол, болезный.

Пауль не сразу обратил внимание, что неподалеку от полицейских стоит фрау Беккер. Старая добрая знакомая тетушки Гретхен. И смотрит прямиком в его сторону, осуждающе качая головой. Наверняка увидела, как ловко пущенный снежок угодил в нос сутулому хлыщу в нарядном пиджаке.

Вот теперь он точно вляпался.

Глава 4

Минуло два года. Жизнь потихоньку возвращается в привычное русло. Тетушка, конечно, устроила Паулю казнь египетскую. Пришлось надолго позабыть беззаботное существование и вернуться к книжкам. Старая перьевая ручка дядюшки Вилли потихоньку перестала сажать кляксы на каждой странице. Быть может, в солдатской пряжке, где вокруг кайзеровской короны вьется чеканное «с нами Бог», кроется особое, способствующее постижению школьных премудростей волшебство?

Пожалуй, так оно и есть. Хотя Пауль и прилагает все усилия, чтобы с этой магией больше никоим образом не сталкиваться. Но вот что интересно: чем меньше в тетради клякс, тем довольнее тетушка. А это, в свою очередь, влечет расширение свободы, сжавшейся было до размеров школьной парты. Но стоит лишь вольному житью вернуться – и количество клякс опять неумолимо растет. Заколдованный круг какой-то.

Весна тридцать второго. На улицах потихоньку подсыхают здоровенные лужи – единственное напоминание о недавнем снеге. Водная гладь, отступая, оставляет здоровенные дыры в асфальтовом покрытии. Дворники, чертыхаясь, отвоевывают город у вылезшего из-под снега мусора.

Пауль обмакнул кисточку в ведро с клеем и щедро крест-накрест провел по покосившемуся забору. На потемневших досках остался ясно различимый поблескивающий след. Рядом Фриц спешно приладил на удобренную стену плакат, торопливо разглаживая норвящий загнуться лист. Текст за прошедшие пару дней они успели выучить наизусть:

«Немецкие соотечественники!

Приходите на большое общественное предвыборное собрание в пятницу, 7 марта 1932 года, в восемь часов вечера, в пивоварне Шлоссбрауэрай в Шёнеберге, Хауптштрассе, 122—123.

Национал-социалист доктор Геббельс выступает на тему: Ленин или Гитлер?

Открытие зала в семь тридцать, взнос для покрытия издержек 20 пфеннигов / для безработных 10 пфеннигов.

Свободное высказывание!»

– А что, если коммунист придет и захочет высказаться, ему на самом деле дадут? – Неожиданно спросил Фриц, задумчиво разглядывая отпечатанный в типографии лист.

– Дадут, наверное. – Ответил после недолгого размышления Пауль. – Только если скажет что не то, башку проломают.

С другого плаката мрачно смотрят два крепких мужика, один сжимает в лапище тяжелый молот. «Рабочий! Голосуй за фронтовика Гитлера!».

С такими физиономиями обычно на похороны зовут, а не на выборы. Но Рыжий Отто мнения Пауля на этот счет не спрашивает, зато отсыпает по пфеннигу за каждый наклеенный плакат. Прибыльное, все-таки, дело эти выборы. Приятели на двоих сумели набрать полную рейхсмарку – целое состояние. Еще одной удачей стало, что ни тетушка, ни ее приятельницы до сих пор не застукали за таким времяпровождением. Вообще-то, все поджилки трясутся при мысли о том, что устроит фрау Майер нарушившему запрет воспитаннику. Но целая рейхсмарка!..

Заодно срывают, если вдруг попадется, коммунистическую агитацию, но с этим делом в Леопольдиц откровенно туго. Ротфронтовцы попробовали как-то ее расклеить, но в результате все закончилось побоищем на уже привычном пустыре на окраине квартала. На этот раз кроме гитлерюгенда к делу подключились и штурмовики из СА. Говорят, пару коммунистов коричневорубашечники забили-таки до смерти. Полиция на этот счет равнодушно отмолчалась.

Рыжий Отто с парнями на этом не успокоились и пошли завоевывать Шпарплац. Пауля с Фрицем туда не звали, да они и не рвались: в отличие от Леопольдкиц, в соседнем квартале красные по-прежнему могут устроить пришельцам настоящую жару. Одному парню из гитлерюгенда даже нож под ребра сунули.

– Ба! Пауль! Чего это ты тут делаешь?

От раздавшегося за спиной жизнерадостного окрика внутри все похолодело. Ну, если тетушке расскажут – вот это будет катастрофа! Он не сразу сообразил, что обладателем веселого голоса является никто иной, как Рудольф. Пауль облегченно выдохнул. Он-то уж точно ни к кому не побежит с доносами.

– Агитаторами работаете, значит? – Брат выглядит настоящим пижонем. Серый костюм, начищенные туфли даже посреди вездесущей грязи сохраняют щеголеватый блеск. – Ого! Сам Геббельс выступать будет? Что это они опять в пивные возвращаются?

Нацисты в последнее время предпочитают дворец спорта. Огромный стадион идеально подходит для многотысячных митингов и долгих маршей. Штурмовики строятся в колонны, отбивают шаг, вокруг бесчисленные красные знамена со свастиками... красота. Правда, Пауль слышал, многие тоскуют по временам, когда сборища организовывались в пивных. Какая политика без кружки пива?

– Жаль только, все это без толку. Все равно Гинденбург победит, – добавил Рудольф, смерив взглядом кипу плакатов в руках у Фрица. – Все к тому идет.

Фон Гинденбург – национальный герой и прославленный полководец. Под его руководством Германия преодолела кошмар двадцатых, выдержала кризис... Словом, у любого здравомыслящего человека на выборах может быть только один кандидат. Ну или, по крайней мере, так говорит тетушка. Да и дядюшка тоже полагает, что кайзеровский фельдмаршал конкурентам не оставит и шанса.

– Папка говорит, что Гинденбург тоже хорош. – Непонятно почему вступился за полководца Фриц.

– Хорош, спору нет. Уж точно лучше многих. – Не стал спорить Рудольф. – Только что толку? Сплошная демократия кругом. Канцлеров меняют, что твои перчатки. В Рейхстаге толпа дармоедов, только и умеют, что карманы набивать. Людей на улицу выкидывают, оставляют без последнего пфеннига, а эти уроды знай друг на друга вину сваливают. Как будто простому человеку от этого легче...

В голосе брата сквозит неприкрытая злость. Пауль понимающе закивал. Знакомые разговоры. Все вокруг об этом говорят. Только как-то так получается, что все вокруг партиями недовольны, но пройдут выборы – и в Рейхстаге опять сидят все те же.

– А Гитлер – он готов все в свои руки взять. Чтобы было ясно, кто правит и на ком вся ответственность. При нем-то вся эта чехарда быстро закончилась бы. А, что говорить...

Рудольф неопределенно махнул рукой.

– А ты куда такой нарядный?

– Работу ищу. Весь день по разным конторам шатаюсь, да пока без толку.

– Ты работу потерял? – Ахнул Пауль.

– Ясное дело. А за квартиру платить по-прежнему надо. – В голосе Рудольфа на миг послышалось уныние. Паулю стало не по себе. Не может же владелец квартиры просто выкинуть семью с маленьким ребенком на улицу! Или может?

– Ладно. – Брат упрямо тряхнул головой. – Прорвемся, где наша не пропадала. Должен же этот кошмар рано или поздно закончиться...

Чем ближе выборы – тем сильнее ощущение, что мир сходит с ума. На улицах то и дело драки. Нацисты дерутся с коммунистами по поводу и без. И вдвоем мутузят социал-демократов, которые тоже в должниках долго не остаются. Митинги следуют один за другим.

И заканчиваются все теми же драками. Словом, здравомыслящий человек вообще лишний раз на улицу не сунется. Хотя и это помогает не всегда: нацисты расколошматили лавку Абрама Хермана. Вроде бы за то, что имел какие-то дела с коммунистами. Хотя, скорее всего, просто потому что еврей.

Хаос продолжался до самого тринадцатого марта. И – снова выборы. На этот раз Пауль остался дома. Он, как назло, опять притащил из школы очередное замечание. Попытка апеллировать к справедливости провалилась: тетушка категорически заявила, что таскать Людвиг Шнайдера за волосы Пауль не имел никакого права. Даже если тот симпатизирует коммунистам и вообще первым полез в драку.

– Я прекрасно осведомлена, как это бывает, – строго заявила тетя. – Даже если он начал первым, ты, не сомневаюсь, сделал для того все необходимое.

Возразить нечего. Он и впрямь заявил Людвигу, что тот настоящий коммунист, потому что не дал списать задание по математике. Ну, сказано это было несколько грубее... Собственно, именно потому-то Людвиг ему в глаз и засветил. А дальше все как-то само собой получилось.

Оставаться дома обидно, но куда не денешься.

Поздно ночью объявили результаты. Гинденбург набрал сорок девять процентов, Гитлер – чуть больше тридцати. Значит, будет второй тур.

Тут и вовсе началось что-то невообразимое. Социал-демократы объявили Гитлера врагом конституции, против которого должны сплотиться все разумные немцы. И не просто сплотиться, а обязательно вокруг Гинденбурга. Выдвинувшие Тельмана коммунисты немедленно объявили их предателями. Дескать, кто голосует за Гинденбурга – все равно что голосует прямоком за Гитлера. Националисты из «Стального Шлема» и Немецкой Национальной Народной Партии отказались поддерживать нацистов, за что те немедленно окрестили их евреями. Фриц Тиссен и Земельный Союз поддержали Гитлера и объявили, что никто другого порядка в стране не наведет.

Все вокруг бурлит и взрывается. Названия партий, движений, объединений смешались в безумную кучу. На улицах непрерывная агитация. Коммунисты, нацисты, еще черт знает кто раздают листовки, расклеивают плакаты и непрерывно друг друга бьют. И охотно лупят всех, кто подвернется под руку. Социал-демократы летают над городом на самолете и с воздуха разбрасывают листовки, призывающие голосовать за Гинденбурга, Тельмана, черта лысого – кого угодно, лишь бы не Гитлера. Папаша Фрица оказался в больнице с сотрясением мозга. Кто-то из красных врезал дубинкой по голове.

Все закончилось одиннадцатого апреля. Словно по мановению волшебной палочки в заваленном макулатурой городе воцарилась тишина. Гинденбург набрал пятьдесят три процента. Гитлер – тридцать шесть. Тельман получил всего десять – на три процента меньше, чем в первом туре. Говорят, кое-кто из коммунистов разочаровался в марксизме и теперь голосует за Гитлера.

– Приятно понимать, что разумных людей в Германии все-таки больше, чем обезумевшей шантрапы. – Удовлетворенно сказала тетушка за завтраком. С самого утра фрау Майер пребывает в прекрасном расположении духа. Как будто победа кайзеровского фельдмаршала сулит возвращение утраченной вечность назад старых добрых времен.

– Не вижу поводов для оптимизма, Гретхен, – заметил дядюшка, намазывая повидло на булку. – Гинденбург – человек-легенда. Спаситель отечества. И он вырвал победу с осязательным трудом. Гитлер теперь – второй человек в государстве. На выборах в Рейхстаг нацисты наверняка возьмут первое место. Как ни вертись, а его назначение рейхсканцлером – вопрос времени.

Тетушка наградила супруга раздраженным взглядом, но промолчала.

Дядюшка Вилли как в воду глядел: выборы в парламент национал-социалисты и впрямь выиграли. Но Гинденбург наотрез отказался назначать Гитлера главой правительства. Фельдмаршал во всеуслышание объявил, что поста рейхсканцлера «богемскому ефрейтору» не видать, как собственных ушей. Штурмовики от таких заявлений натурально взбесились, но президент на их ярость плевать хотел. Новым канцлером стал фон Папен.

Иногда Паулю кажется, что мир вокруг сходит с ума. Все вокруг только и говорят, что о политике. Коалиция социал-демократов и центристов развалилась, в Рейхстаге бардак. Люди то ждут от Гинденбурга, чтобы перестал валять дурака и назначил Гитлера канцлером, то, наоборот, требуют, чтобы поднял войска и разобрался, наконец, с нацистами, коммунистами и вообще всеми подряд.

Президента заваливают письмами в поддержку Гитлера. Профессора из университета, банкиры, промышленники, землевладельцы... Гинденбург же, не иначе как назло всем, назначил новым канцлером фон Шлейхера. Обиженный фон Папен немедленно бросился дружить с нацистами.

Обычная жизнь с ее привычным распорядком кажется насмешкой над творящимся вокруг бедламом. Но школу, увы, никто не отменял. Математика, английский, география, геометрия – будто странный островок стабильности посреди политической круговерти. Да еще тетушка с дядюшкой изо всех сил пытаются делать вид, будто обыденная жизнь вовсе никуда не делась. День за днем проходят по единожды заведенному порядку: завтрак, неизменная газета дядюшки, кофе, булка с повидлом... И все в таком духе.

Гинденбург сдался в январе тридцать третьего. Говорят, последней каплей стало публичное обращение кронпринца Вильгельма. Сын свергнутого в восемнадцатом году кайзера потребовал от рейхспрезидента назначить Гитлера канцлером. Тетушка посчитала это настоящим предательством. Дядюшка лишь апатично пожал плечами. Разговоры о том, что старый фельдмаршал упирается исключительно из упрямого нежелания вручать важнейший государственный пост «какому-то ефрейтору» звучат уже и в окружении рейхспрезидента.

Отрывной календарь на кухне показал тридцатое января тридцать третьего, когда все газеты вышли с одной и той же передовицей. Адольф Гитлер назначен рейхсканцлером.

С неба светит ясное февральское солнце. Пауль, позевывая, вышел на улицу. Позади закрипела, закрываясь, подъездная дверь. Месяц назад казалось, что вся Германия стоит на пороге невиданных и невероятных изменений.

Триумф фюрера нацисты отметили колоссальным факельным шествием. По берлинским улицам сквозь непроглядную ночь льется и льется бесконечный поток пламени. Штурмовики несут алые знамена со свастикой. Над марширующими колоннами грохочут песни. Мрачный и торжественный «Хорст Вессель» сменяется разухабистой «Когда солдаты...».

Пауль, конечно же, наплевав на любые запреты, отправился в центр Берлина, чтобы все увидеть своими глазами. И вид живого огненного змея, что извивается по замершим в тревожном молчании улицам, впечатался в память. Триумфальная, всепокрушающая мощь победителей расходится от этих людей. Бедно одетые, с фанатичным блеском в глазах... Лозунг, запечатленный на штандартах – «Германия, пробудись!» повторяется вновь и вновь, перемежаемый бесконечными криками «Хайль!»

Штурмовую колонну встречал на балконе своей новой резиденции сам рейхсканцлер. Пауль и его увидел – стоящим неподвижно, рука поднята в приветственном жесте. Штурмовики при виде Гитлера и вовсе взбесились. Все вокруг орут что-то восторженное. И ждут, что начнется нечто новое, невиданное ранее. Как будто Германия и впрямь проснется от неприятного, тяжелого сна – и сама удивится, что нищета и разруха вообще могли ей привидеться.

Дома Пауль оказался глубокой ночью. И, конечно, в первую очередь свел очередное знакомство с солдатским ремнем. Тетушка Гретхен в этот раз орудовала им с особым тщанием.

Но несравнимо более страшное и потрясающее открытие принес следующий день. Оказывается, необходимость идти в школу никуда не делась. Хуже того – в школе ждут все те же старые добрые знакомые: математика, английский, геометрия, география. Полный набор. А он-то ждал...

Отойдя от дома на приличное расстояние и убедившись, что тетушка из окна уже не сможет его разглядеть, Пауль вытащил из ранца коробок и последнюю из оставшихся сигарет. Сломал две спички, пока прикуривал, но, наконец, с удовольствием затянулся. Не зря все-таки говорят, что политики только и делают, что врут. Вот и Гитлер из тех же. Обещал перемен, а где они, эти перемены? Ровным счетом ничего нового. Распустили Рейхстаг? И при Гинденбурге его распускали разок. Приняли новый декрет «О защите немецкого народа»? Так правители только тем и занимаются, что принимают всякие декреты да указы. Дядюшка Вилли, правда, сильно недоволен. Даже бросил в сердцах, что Гитлер, не иначе, собрался вбить свободной прессе гвоздь в голову. Паулю образное выражение жуть как понравилось, но разве ж недовольство дяди новой властью можно считать значимой переменной? Школа все та же, и старая фрау Вебер опять будет распекать за невыученный урок. На кой черт ему этот английский? Мрачные размышления нарушило появление Фрица. Товарищ бежит в его сторону. Глаза вытаращены, шапка съехала в сторону.

– Блау! Ты уже в курсе?! Очуметь, да?!

– Чего такое?

– Коммунисты сожгли Рейхстаг!

– Да ладно? – Недоверчиво переспросил Пауль.

– Я тебе говорю! Вчера ночью красные террористы подожгли.

– А ты откуда знаешь?

– Да батя вчера вместе с остальными что-то там охранял неподалеку. И вдруг – бам! Зарево на полнеба! Все вокруг бегают, никто ничего не понимает! Рейхстаг в огне! Вокруг светло, как днем, а над крышами столб дыма! Да такой чернющий, что аж ночью видно!

Фриц размахивает руками, явно подражая ошеломленному зрителю. А Пауль в очередной раз ощутил укол не то зависти, не то грусти. Был бы жив его отец, он бы, может, точно также ему все рассказывал.

– Ну ее к черту, эту школу. Пошли Рейхстаг смотреть!

Пауль какое-то время колебался. Со времени последней взбучки от тетушки времени прошло – всего ничего. Если он опять попадет, жди беды. Но любопытство живо уложило опасения на лопатки.

Сели на идущий по Мюллерштрассе трамвай. Странное дело, но люди в салоне погружены в собственные мысли и вовсе не выглядят встревоженными или взбудораженными. Сонно клюет носом пожилой господин в обветшалом пальто, несколько рабочих обсуждают какие-то бытовые дела, на них с осуждением смотрит строгая фрау, чем-то неуловимо напоминающая тетушку Гретхен. На одной из остановок пришлось соскочить, потому что внутрь зашли контролеры. Один из них крикнул что-то в вдогонку улизнувшему безбилетнику, но не погнался.

– Давай пешком дойдем, – предложил Пауль. Все-таки неловко ездить зайцем. – Тут недалеко.

– Вот еще! Три остановки. Следующего подождем. О! А это не то ли заведение, где мы извращенца с накрашенными губами видели?

– Точно! Оно. – Согласился Пауль.

Бару время на пользу не пошло. Стекло витрина вся в трещинах, шеголеватое название замазано. Лоток с журналами тоже куда-то исчез.

– Что, Рыжий Отто с парнями все-таки их проучили?

– Вряд ли. Гитлерюгендовцы тут все в щепки бы разнесли. О, вон трамвай едет!

Рейхстаг – монументальное здание в центре площади Республики. Пауль это место всегда недолюбливал. Толчея, автомобили непрерывно гудят в клаксоны, тут и там щеголевато одетые господа, корчащиеся из себя властителей вселенной. Степенные дамы в красивых платьях смотрят сверху вниз, будто на грязь под ногами. Родной Веддинг куда уютнее.

Сейчас, впрочем, богатеет в роскошных нарядах нет. Вместо них полицейские с перегородившими площадь рогатками. Сам Рейхстаг стоит мрачным огрызком самого себя – закопченный, покрытый черными подпалинами, проемы окон угрюмо щерятся стеклянными осколками.

– Батя рассказывал, как пожар потушили, приезжал Гитлер и еще целая куча важного народа, – рассказывает Фриц, с любопытством таращась на обгоревшую громадину Рейхстага. Пауль почувствовал мимолетное разочарование. Несколько лет назад в Леопольдкиц сгорел один дом. Здоровенную развалину долгое время никто не трогал, и она превратилась в место паломничества местных мальчишек. Они живо оборудовали там настоящий форпост и целых два года щеголяли черными разводами сажи, которая украшала одежду, стоило только зайти в импровизированную крепость. Пауль почему-то думал, что что-то подобное можно будет устроить и с Рейхстагом, но все входы перекрыты. У шлагбаумов дежурят злющие полицейские. Нечего и думать, чтобы пролезть мимо этих церберов.

– На кой черт коммунистам Рейхстаг жечь? Они ж вроде сами там сидели.

– Батя говорит, нацисты их совсем прижали, и они теперь вместо выборов хотят революцию делать. Слыхал, эсэсовцы и штурмовики обыскали штаб-квартиру красных и нашли ящики с гранатами и винтовками.

– Бреешь небось? – Недоверчиво прищурился Пауль, – С чего вдруг штурмовики к коммунистам с обыском пойдут? Что они, полиция?

– Пф! Полицией теперь Геринг руководит. – Фриц посмотрел на приятеля с плохо скрытым самодовольством. – Если он говорит, что штурмовики могут обыскивать коммунистов, значит, так оно и есть.

– Выходит, теперь будет гражданская война? Как в России?

Обидно выспрашивать подробности у приятеля, давая ему повод лишний раз раздуться от самодовольства. Но к кому еще прикажете идти за ответами? Дядюшка Вилли в последние дни ходит мрачнее тучи и все больше отмалчивается. Хотя он даже если и сообразовал ответить – говорит так заумно, что пойдешь разбери. А у Фрица отец – штурмовик. Уж наверно поболее других понимает.

– Я думаю, если коммунисты захотят воевать, их живо прижмут. У нацистов СА, СС. И полиция им теперь подчиняется.

Какое-то время приятели бестолково ошивались вокруг обгоревшего здания. Полицейские награждают мальчишек раздраженными взглядами, но прогнать не пытаются. Люди вокруг идут по своим делам. Проходят мимо, сокрушенно качают головами. «Куда только Германия катится...»

На следующий день КПП запретили указом рейхспрезидента. Тетушка ходит мрачная, словно грозная туча. Правда, дело не в коммунистах, а в новом облике Мюллерштрассе. Гитлеровцы украсили улицу бесчисленными красными флагами со свастикой. Новый антураж безумно красив, но тетушке об этом лучше не говорить.

Пауль чувствует себя, как рыба в воде. Новый облик берлинских улиц приводит в состояние восторга. Знакомые гитлерюгендовцы ходят светящиеся, словно монетка в пятьдесят пфеннигов. Рассказывают много интересного: как вместе с полицией и эсэсовцами ловят и арестовывают коммунистов. Под руководством фюрера Гинденбург начал, наконец, принимать правильные и нужные законы. Скоро нацисты окончательно возьмут государство в железный кулак, и вот тогда начнутся по-настоящему интересные дела.

– Против классовой борьбы и материализма! За народность и идеалистическое мировоззрение! Я предаю огню писание Маркса и Каутского!

Посреди Опернплац в ночное небо рвутся огромные костры. До Пауля долетают волны сухого жара, а когда смолкает играющий торжественные марши оркестр, слышен оглушительный треск. Вокруг – огромное количество народа. Штурмовики, гитлерюгенд, парни в белых рубашках и коричневых галстуках из Германского Союза Студентов. Ну и просто праздные зеваки. Пауль здесь относится именно к этой категории. Немного обидно, что приходится смотреть на столь потрясающее действие со стороны, но никуда не денешься. Та часть площади, где пылают костры, отделена оцеплением из эсэсовцев.

С грохотом падает на землю здоровенный ящик. Доски треснули, на землю посыпались книги. Мимо под барабанную дробь проходят строем студенты. Звучит команда, ровная шеренга разворачивается, словно солдатская линия на параде. Парни подхватывают книги. Многие успевают подхватить сразу несколько, а кое-кто выцепил из бумажной кучи целую вязанку.

– Нет растлевающей душу половой распущенности! Да здравствует благородство человеческой души! Я предаю огню сочинения Зигмунда Фрейда!

Только что державшийся идеальным строем рассыпался. Студенты подбегают к пламени, что заливают тревожным багровым светом площадь, книги летят в костер. Огонь жадно набрасывается на новую добычу.

Снова оркестр, снова барабанный бой!

Вокруг – бесконечные крики «хайль!». Собравшиеся на площади кричат так, что даже заглушают раскатывающиеся из громкоговорителей речевки.

– Это все слишком однообразно! – Неожиданно доносится до Пауля крик молодого парня с фотоаппаратом. Он только что вертелся вокруг нескольких позирующих ему студентов. – Я уже сделал достаточно снимков. Нужно что-нибудь новенькое.

– Где я тебе «новенькое» достану? – Возражает ему организатор в партийной форме. – Если акцию проводят студенты, то их и нужно фотографировать. Хотя, погоди-ка. Эй, малец! А ну иди сюда!

Пауль сначала было подумал, что ослышался, но фотограф явно махнул ему рукой! Вот только попытка пробежать мимо эсэсовцев, что стоят вокруг с каменными физиономиями, окончилась полным провалом.

– Куда?! – Рявкнул здоровяк в коричневой рубашке, поймав попытавшегося прошмыгнуть мальчишку.

– Да пропусти ты его! – Подскочил фотограф. Эсэсовец в ответ пожал плечами. Железная хватка разжалась.

– А ну, бери книжку! – Пауль спешно цапнул с брусчатки увесистый том. – Сразу после речевки беги со всеми и бросай вон в тот костер. Все понял?! Сейчас... Сейчас... Пошел!

– Нет писакам, предающим героев мировой войны! Да здравствует воспитание молодежи в духе подлинного историзма! Я предаю огню книги Ремарка! – Усиленный громкоговорителем голос заметался по площади. Пауль бросился вперед. Так разогнался, что сам чудом не влетел в огромный, выше его, костер. Размахнулся, что есть сил, тяжеленная книжка полетела, кувыркаясь, в пламя.

– Отлично! – Раздался над ухом голос фотографа. – Отойди, не мешай другим.

Вроде от толпы зевак их отделяют шагов пятнадцать, но треск барабанной дроби почему-то кажется здесь совершенно оглушающим.

– Знаешь что? Давай дадим ему знамя. Дитрих! Дай штандарт!

– А не жирно будет? – Процедил свысока жирный Дитрих, смерив Пауля пренебрежительным взглядом. – А ну как уронит?

– Ничего я не уроню!!!

– Попробуй мешать моей работе, и завтра будешь объясняться с Геббельсом!!!

Два возмущенных вопля слились в один. Трудно сказать, какой из аргументов показался толстому эсэсовцу более убедительным, но знамя Паулю все-таки вручили. Он вцепился в тяжеленное древко что есть мочи. Лишь бы и впрямь не уронить – позору не оберешься!

– Вот здесь встань... Так... Теперь руку вскинь!

Пауль спешно вскинул правую руку в знакомом нацистском приветствии.

– Отлично! Все, теперь верни знамя.

Толстый Дитрих с ухмылкой принял штандарт обратно.

– Ну, малец, завтра знаменитостью будешь, а?

Фотограф, пытаясь перекричать оркестр, опять надел на организатора, требуя «чего-нибудь новенького». Все вокруг потеряли к Паулю интерес. Наверное, нужно вернуться за оцепление, к прочим зевакам. Но его же не выгоняют. Так и стоит посреди огненной кутерьмы. Вокруг гремит усиленный громкоговорителями голос. Прославляет фюрера и новую Германию. Призывы к моральному очищению и возрождению нации чередуются с проклятиями в адрес евреев и той гнили, которой они чуть было не заразили великий германский народ.

Пылающие костры рассыпают вокруг искры. Застывшие фигуры со знаменами, вскинутые к небу руки в жесте древнего германского приветствия¹⁴, грохот барабанов и крики «хайль!» – все смешалось в захватывающий круговорот, наполняющий сердце непередаваемым восторгом. Все-таки Гитлер и его нацисты не вдали. Их всех просто не может не ждать сияющее и восхитительное будущее!

– Ну и как прикажете это понимать, молодой человек? – Тетушка держит «Народный обозреватель» двумя пальцами, будто в руках у нее не красивый листок, а грязная тряпка.

Прямо на передовице опешивший Пауль узнал самого себя. Глаза горят восторгом, ладонь вскинута в нацистском салюте, рядом партийный штандарт со свастикой, вокруг которой расправляют крылья золотые орлы. И летящая яркая подпись: «Юность Германии – в наших рядах!»

Красота какая!

Изумление от собственного нахождения на передовице самой настоящей газеты затмило даже ясное понимание: сейчас тетушка устроит такое, что он запомнит очень надолго.

– В школьном дневнике я через день нахожу все новые записи о прогулах, но на то, чтобы шляться в компании примитивной шантрапы у вас время неизменно находится. Думаю...

– Гретхен, позволь кое-что тебе объяснить. – Неожиданно вмешался дядюшка Вилли, отвлекшись от чтения книги. – В Германии новая власть. И юный Пауль с нею дружен. Этот факт в будущем вполне может благополучно сказаться на его карьере.

Пауль так и застыл с открытым ртом. Никогда раньше дядя не вмешивался в воспитательный процесс. Какой бы Содом с Гоморрой не устраивала тетушка, какие бы наказания ни придумывала, герр Майер всегда воспринимал это как безусловно наисправедливейшую данность. Лишение сладкого? Значит, лишение сладкого. Запирание в чулане? Так тому и быть. Славная порка солдатским ремнем? Восхитительно. Его супруге виднее, как обращаться с детьми.

Но на сей раз он вмешался. Да еще как!

– Есть еще кое-что, чего ты упорно не хочешь понимать, Гретхен. – Все также спокойно продолжил дядюшка Вилли, не обратив никакого внимания на яростный блеск в глазах супруги. – Очень скоро за подобные речи начнут резать языки. Убедительно прошу тебя:

¹⁴ Вскинутая правая рука провозглашалась нацистами древним германским приветствием. В реальности этот жест скопирован с «римского салюта» итальянских фашистов. Те, в свою очередь, без особых на то оснований возводили его историю ко временам Римской империи. Скорее всего, подлинными авторами вскинутой правой руки «от сердца к небу» как торжественного салюта являются американские бойскауты начала XX века.

обстоятельно обдумывай каждое слово, которое ты в будущем захочешь высказать об Адольфе Гитлере и его партии.

Радостное весеннее солнце заливает улицы в бесчисленных алых знаменах. Пауль идет по ставшим вдруг незнакомыми берлинским бульварам. На лицах прохожих – буря эмоций. Радость и надежда, страх и опасливая настороженность – все мешается в яркую картину. Угрюмое равнодушие, столь привычное с самого детства, исчезло безвозвратно. И, уходя, изменило известный некогда мир, оставив взамен что-то новое.

Огромный Берлин, высокомерные витрины дорогих магазинов и мрачные трубы заводов. Изысканные выставки. Простота и обширность пивных. Все это осталось таким, каким было несколько месяцев назад, и при этом неуловимо изменилось, а вместе с Берлином меняется и страна, над которой город на Шпрее раскинул орлиные крылья и устремил в небо острые шпили.

Пауль, сам того не понимая, все эти дни ищет ответ на странный, мучительный вопрос: что же до такой степени изменило мир, казавшийся застывшей в граните догмой? И бесконечные радиоприемники на фонарных столбах отвечают голосом фюрера:

Настали великие времена. Германия пробудилась.

Германия Адольфа Гитлера

Мы хотим видеть наш народ послушным. И ты, моя молодежь, будешь воспитывать в себе послушание.
Адольф Гитлер

Глава 5

Старая полуразвалившаяся Германия тащила дряхлые кости в будущее только по инерции. Она была равнодушна к чужим проступкам и безразлично отворачивалась от презрения в свой адрес. Хочешь прогулять школу – просто сверни по пути да направляйся туда, где посреди развалившихся сараев можно курить с приятелями и играть жестяной банкой в футбол. Хочешь – покажи контролеру в трамвае фигу да рассмейся ему в лицо. Главное – вовремя соскочить с подножки. Старая Германия была добра к своим детям равнодушной добротой дряхлой старухи, у которой уже нет ни сил, ни воли следить за детьми. Особенно если те так и норовят улизнуть из-под прищуренного близорукого взгляда. И дети убежали. Курили окурки, плевали мимо урн, бросали мусор, где попало. А еще можно написать на стене какую-нибудь гадость. Те, кто хотел идти дальше в равнодушии к установленным правилам, шли дальше. Легкой поступью, посмеиваясь над бессильным равнодушием страны, которой уже наплевать на твои шалости.

Внезапно дряхлые старушечьи пальцы налились молодой железной силой. Сначала это было даже весело. Все в школе теперь появляются в одинаковых коричневых рубашках и черных галстуках. На рукаве – красная повязка с белой полосой, поверх которой красуется неизменная свастика. Мальчишки щеголяют в новой форме, довольные собой и миром.

Потом неожиданно выяснилось, что ставший всеобщим гитлерюгенд легко может устроить за прогулянный урок такую выволочку, что разносы тетушки Гретхен перестают казаться чем-то серьезным. Конечно, если ты всю субботу маршируешь с товарищами под звуки военного марша – это совсем другое дело. Придешь в школу не готовым – гитлерюгенд велит учителю не спрашивать домашнее задание. Потому что уроки уроками, а патриотизм и воспитание германского духа всяко важнее. Но попробуй вместо торжественного марша по старинке усесться на перекур за разбитыми сараями – вот тут тебе и устроят казнь египетскую. Да и сараи вскорости разобрали. Сказали, толку от них никакого, только вид портят.

Пауль глазами хлопнуть не успел, а вся жизнь уже расписана и разлинована вдоль и поперек. Но и это, по большому счету, легко можно пережить. Тем более, что отметки гитлерюгенд, в отличие от тетушки, заботят мало.

А вот седьмого марта тридцать четвертого года Пауль понял, что такое настоящий страх. И страх этот принял вид Юргена Вернера. Хамоватый парень слывет в Леопольдкиц опасным малым. Вечно небритая физиономия, на которой застыла презрительная мина. Запах дешевого табака, крохотные свинячьи глазки полны наглости и осознания собственного превосходства над окружающими. Словом, препаршивейшая личность. Говорят, Юрген имеет какие-то темные дела с настоящими бандитами, так что его откровенно побаиваются – мало ли...

Юрген, конечно, на наступление новых времен плевать хотел. Заявил, что законы да правила сочиняют для лохов, а реальным парням вроде него никакие законы не указ. За проезд в трамвае платить – запаadlo. В кино захочешь зайти – хлопни кассиру по козырьку фуражки, вот и весь билет. А рыпнется, так взять за шиворот и встряхнуть, как следует. Чтобы знал, на кого хвост задирает, и кто здесь настоящий хозяин жизни.

Месяц назад к Юргену пришла полиция. Тощий лейтенант зачитал постановление: герр Вернер признан асоциальным элементом. Тот пытался качать права: требовать доказательств и надлежащим образом оформленный ордер. В ответ прилетело резиновой дубинкой по зубам. Его скрутили, бросили в машину и увезли. И – тишина.

Вернулся Юрген спустя месяц. Худой, как щепка. На привычно небритом лице – дергающаяся гримаса, совсем не похожая на былую ухмылочку. От каждого резкого жеста шарахается прочь, руки инстинктивно дергаются вверх – закрыть голову.

И дело даже не в облике затравленного и сломленного парня, который с тех пор даже окурков мимо урны не бросает. Настоящий ужас несет простая и страшная мысль: а не окажусь ли следующим я сам? Как будто всю страну внезапно разделила проведенная новой властью черта: или ты являешься полноценным членом общества и работаешь, как умеешь, на благо Германии и ее народа. Повинуешься не тобой установленным законам и правилам. Или – не повинуешься. И тогда тебя швырнут в полицейскую машину, чтобы через месяц ты трясущимися руками закрывался от каждого шороха за спиной.

– Может, ну ее, эту школу? В кино новую комедию гоняют. А сегодня геометрия. Терпеть ее не могу.

Обычно на такие предложения Пауль отвечает неизменным согласием. Геометрию он любит еще меньше Фрица. Наверное, и на этот раз согласился бы, но, как назло, вспомнилось осунувшееся лицо Юргена. И то загнанное выражение, которое на нем появляется, стоит рядом неосторожно взмахнуть рукой.

– Эй, Блау! Заснул?

– Ничего я не заснул, – буркнул Пауль. – И, знаешь что, не будем мы школу прогуливать.

– Чего это с тобой? Башку напекло? – Удивился Фриц. На растерянной физиономии приятеля – все изумление мира. И плевать он хотел, что следующий год – последний. Дальше экзамены. А за ними – полнейшая неопределенность. На которую Моргену-младшему тоже плевать.

Пауля до недавнего времени вся эта чепуха не слишком заботила. Но вот приключившаяся с Юргеном история... Новая власть очень быстро поставила жесткий и безусловный водораздел: ты или достойная часть великого германского народа, или балласт, с которым нет никакого смысла церемониться. И чем дальше Пауль смотрит на всю свою прошлую жизнь, тем отчетливее страшная ясность: на балласт в этой картине мира они с приятелем похожи куда сильнее.

Конечно, за прогулянную школу никто их в полицию не потащит и бить там не станет. Но что-то в глубине души все равно протестующе скалится на мысль о том, что можно просто продолжать жить, как жилось. Одни будут строить тысячелетний Рейх. Величайшее будущее германского народа. А другие – висеть у них на ногах тем самым балластом. Самых бестолковых и хамоватых новая власть смелет в труху. А остальные, у кого не хватило пороку даже достаточной наглости проявить – что будет с ними? Будут барахтаться на дне, облитые презрением строителей прекрасного нового мира.

Попытка донести эту мысль до Фрица окончилась полным провалом.

– Да тебе и впрямь башку напекло. – Хмыкнул приятель. – Светлое будущее ему подавай. Ну, как хочешь. Мое дело – предложить. Я лучше в кино стоняю. А ты отправляйся в гости к старику Клаусу и его гипотенузам.

И оставил Пауля в гордом одиночестве. Только и остается, что смотреть вслед со смесью злого упрямства и затаенной зависти. Вообще-то, комедия и впрямь выглядит куда увлекательнее геометрии. Особенно в исполнении старика Клауса, которого полагается называть «герр Фишер». Хотя, как этого бубнящего подслеповатого старикана ни назови, уроки его – сушная скука. Ладно, и это переживем. Все, что осталось – поправить ранец и идти в сторону школы.

Старое здание встретило привычной суматохой. Бесится заканчивающая первый учебный год мелочь. Те, кто повзрослее, вроде бы пытаются вести себя посолоннее, но получается не у всех. Девочки, напротив, изо всех сил стараются демонстрировать чинность и степенную серьезность. Некоторые, кажется, с куда большим удовольствием окунулись бы во всеобщую веселую возню, но – нельзя. То, что можно мальчишкам, для будущих фрау совершенно недопустимо. В последнее время и вовсе ходят слухи, что обучать в одной школе и мальчиков, и девочек – пагубная коммунистическая практика, от которой надо избавляться. Потому что общее обучение только мешает превращать детей в будущих солдат и почтенных домохозяек.

В полутемном холле Пауль ставшим уже привычным жестом отсалютовал огромному портрету фюрера. Изображение в окружении двух нацистских знамен появилось с полгода назад. С тех пор гитлерюгенд старательно следит, чтобы портрет был постоянно украшен свежими цветами. Говорят, скоро еще почетный караул введут. Фюрера Пауль безмерно уважает, но перспектива торчать час-другой истуканом рядом с его изображением совсем не выглядит заманчивой. Хотя его мнения на этот счет, конечно, никто не спросит.

Кабинет геометрии встретил привычным гулом голосов. Пауль пожал руки паре хороших знакомых. Большинство проводило опасливыми взглядами и поживее отвернулось. Обычно такая репутация кажется лестной: приятно, что тебя считают опасным малым и шепчутся, что водишь знакомство с штурмовиками. И еще выдумывают всякие дурацкие истории. Послушать коротышку Вилли или очкарика Франца, так он весь прошлый год только и делал, что собственноручно расстреливал коммунистов. Раньше вся эта чепуха веселила, но сейчас... Пошли бы они к черту со своими рассказами.

Пауль с сердитым видом прошествовал в дальнюю часть класса. Обычно они с Фрицем сидят у самой стены. Держаться подальше от учителя всегда казалось отличной идеей. Плюхнувшись на скамью, полез в ранец. Книжки, тетрадь, та самая перьевая ручка дяди, с которой он так и не подружился. Сажает кляксы, зараза, и ничего с этим поделаться нельзя!

К концу первого урока Пауль окончательно понял, что дело плохо. Как-то само собой сложилось, что учителя и к нему, и к Фрицу, и еще к паре таких же раздолбаев относятся снисходительно. Не глядят, как они списывают, игнорируют на экзаменах. Герр Вайль, учитель математики, так и прямо заявил однажды, что оставлять их на второй год категорически не желает, потому что «тогда вас, лоботрясы, придется терпеть вечно». Пауль и Фриц это восприняли как однозначное разрешение разгильдяйничать, сколько душе угодно: в итоге все само собой образуется. И такое положение дел их более чем устраивало.

При попытке всерьез разобраться в словах учителя Пауль почувствовал себя на редкость беспомощным. Честно страдал половину урока, тарасился в учебник, пытался понять, как именно площадь круга взаимосвязана с объемом конуса, и что из всего этого следует. Значки и закорючки прыгают перед глазами, но их смысл никак не разгадать. Словно не учебник в руках, а настоящий военный шифр. Наконец, признав собственную безнадежность, начал тараситься на одноклассников. За соседней партией сидят Юлиус Беккер и Ральф Ланге. Эти вовсю режутся в крестики-нолики, даже не пытаюсь вслушаться в бубнеж старика Клауса. Кто бы сомневался. Остальные вроде бы заняты делом. Хуже того: у них все эти чертовы задачки не вызывают никаких проблем!

От осознания, что категория балбесов, в которую он загремел, оказалась не только малопочетной, но еще и немногочисленной, на душе стало совсем кисло. Опять перевел взгляд в книгу. После краткого ознакомления с успехами одноклассников ее содержимое совсем не стало понятнее. Что же делать? Попросить о помощи дядюшку Вилли? Вот тому больше делать нечего, как возиться с надоедливым племянником. И потом, откуда ему знать все эти геометрические хитрости? И по-английски он не говорит. Зато по-французски изъясняется

так, что хоть сейчас забрасывай во вражеский тыл на парашюте. Но толку-то с дядиного французского...

– Герр Фишер, в этом месте, должно быть, ошибка. Посмотрите. Икс плюс икс равно два икс, а совсем не икс в квадрате.

– Ну-ка, ну-ка... Да, в самом деле. Большое спасибо, фройляйн.

Пауль ухмыльнулся. Прочие ученики вытягивают головы. Всегда интересно посмотреть, кто там оказался умнее учителя. Хотя старику Клаусу нос утереть – много ума не надо. Он вечно ошибается. Неудивительно, что Хельга Краузе разглядела очередной ляп. Ее хоть сейчас в академию отправляй. Вся из себя прилежная, как черт знает что.

Пауль чуть по лбу себя не стукнул от осенившей его идеи. Вот кто ему поможет с этой растреклятой геометрией! Главное, чтоб выгорело... А ну как заупрямится?

Еле досидел до конца занятий. Кажется, будто какой-то умник всю скамью иголками утыкал. Но, наконец, прозвенел последний звонок. Пауль привычным жестом сгреб со стола книжки и прочую канцеляршину. А сам краем глаза следит за Хельгой. Девушка, как назло, жуткая аккуратистка. Медленно завинчивает чернильницу, раскладывает закладки по тетрадям... Ну как можно быть такой цацей?

– Эй, Блау, пошли по пиву? – Неожиданно предложил Юлиус. Тьфу, пропасть, и этот туда же.

– Не. Не сегодня. Дела есть.

– Это какие у тебя дела? – Наглейшим образом заржал Ланге.

– Какие надо, такие и дела! Тебе-то чего?

– А ты отвечай по-нормальному! – Окрысился Ральф. Пауль краем глаза заметил, как Хельга, бросив на их компанию тревожный взгляд, подхватила ранец и направилась к выходу. Чтоб тебя! Надо было сразу после геометрии к ней подойти. Но если подойдешь на перемене – пиши пропало. Свидетелей у такого разговора будет – полкласса. Ну ее к черту, такую славу.

Кое-как отвязавшись от Беккера с его бестолковым приятелем, Пауль выбежал из школы. Радостное весеннее солнце стоит почти в зените. Где же вышедшая чуть раньше отличница? Неужто упустил? Ага, вон она. Огненно-рыжие волосы ни с чем не спутаешь.

Пауль поспешил следом.

– Хельга! Постой! – Окликнул, когда они оказались одни на узенькой улочке.

Девушка обернулась. Спроси Пауля, так во взгляде у нее могло бы быть и поменьше настороженности.

– Чего тебе?

– Послушай... – Пауль неожиданно замялся. План, который ему сначала показался идеальным, сейчас выглядит на редкость дурацким. А что, если откажется? – Хочешь, я твоего брата защищать буду?

– Чего? – Округлила глаза Хельга.

Ее младшего брата и впрямь шпыняют все, кому не лень. Как можно было такой рохлей уродиться... Тощий, кургузый, здоровенные очки сверкают на солнце, словно бинокли. И драться не умеет. Абсолютно.

– Ну, сделаю так, чтоб его никто тронуть не смел, – запинаясь, повторил Пауль. В голубых глазах девушки граничащая с испугом настороженность сменилась растерянной задумчивостью.

– Хочу. А чего это ты добрый такой?

– Я... Ну... Помоги мне с геометрией? – Выпалил Пауль. И откуда только такая стеснительность накатила? И еще – некоторая опаска. Если вдруг всплывет, что он с такими просьбами подходил к Хельге Краузе – что остальные скажут?

– С геометрией? – Эхом повторила Хельга. Кажется, решила, что он ее разыгрывает.

– Угу. И с английским. Ну, вообще с уроками. У меня одного не получится. Никак. А мне надо. Пожалуйста.

– Ну... Ладно. – В голосе у девушки звучит неприкрытое сомнение. – Но учти, если ты что не то задумал...

– Да нет же! Мне на самом деле помощь с уроками нужна. Слово гитлерюнге!

– Хорошо. Тогда давай завтра в три часа. Около северного крыльца. – Неожиданно строго приказала Хельга. – И смотри без опозданий.

Следующий день Пауль начал с того, что выловил Ганса Мюллера. Мелкий пакостник учится в одном классе с братом Хельги. И, вроде бы, донимает его больше прочих. Поймать мерзавца за ухо много труда не составило.

– Слушай сюда, прыщ блохастый, – велел Пауль, выкрутив многострадальное ухо, отчего пойманный почему-то привстал на цыпочки. Краснощекую физиономию так и перекосило. То ли от боли, то ли от страха. – Сам запомни, и прочим передай. Кто из вашей своры очкастого Вальтера тронет, я его на семь метров под землю закопаю. И тебя за компанию, за то что оратор неубедительный. Усек?

Ганс, подвывая, подтвердил получение распоряжения. Пауль разжал хватку, и жертва террористического метода припустила прочь. Даже немного стыдно. Может, не стоило сразу его так круто в оборот брать?

Потом вспомнил случайно подслушанный разговор Хельги с подружками, где она жаловалась на этого малолетнего оболтуса и на то, что он творит с ее мелким братом. Пожалуй, мягковато он. Надо было еще по шее добавить.

Все оставшееся время потратил на старательное самобичевание. До Пауля не сразу дошло, что теперь по Леопольдкиц наверняка поползет слух, будто он волочит за Хельгой. Да и беглое ознакомление с учебниками приводит к печальному выводу: кроме геометрии и английского ему потребуется заново изучить еще и физику, биологию, математику... И если бы только их! Это ж какую прорву времени придется убить!

Поднимаясь по ступеням северного крыльца, Пауль сам уже не знает, чего хочет больше – то ли добиться своего, то ли чтобы Хельга не пришла, решив, что он за ней пытается ухлестывать. К ней, кстати, клеился кое-кто из класса, но – отшила всех. Даже отличника Дитриха.

Мучительные размышления прервало цоканье каблучков. Рыжая наградила двоечника уже знакомым строгим взглядом.

– Ну, пойдём. Только ко мне домой нельзя. Давай в парке на Леопольдплац столик найдем. Там в это время обычно народу не очень много.

– Как скажешь, – согласился Пауль. Нельзя так нельзя. Не слишком-то он к ней в гости рвется. Интересно, почему Хельга не желает его туда вести – не хочет лишних расспросов со стороны родителей или боится, что те встанут стеной против такой компании? Дескать, хочешь с мальчиками дружить – найди кого попримечнее.

Парк вокруг старой церкви встретил тишиной и шелестом листьев. Каштаны отсекли пышными кронами шум машин. Возле старой церкви стоит несколько деревянных столов со скамейками. Обычно старички вечерами играют здесь в шахматы, но до их появления еще часа три. Сейчас же вокруг ни души. Оно и к лучшему. Мысль, что они больше напоминают гуляющих под ручку голубков, опять заскреблась где-то в глубине души.

– Ну это уже за всеми пределами! – Резко заявила Хельга, наградив спутника сердитым взглядом.

– Чего? – Опешил Пауль, за всю дорогу не подавший ни малейшего повода к возмущениям.

Источником недовольства, однако, оказался не он, а табличка у входа в церковь. На таких обычно вывешивают расписание служб. Но вместо ровных столбиков с часами и датами кра-

суется карикатурная физиономия с пейсами и длинным носом. И подпись: «Немец, помни! Здесь молятся сыну еврейки!»

– Ну, в каком-то смысле так оно и есть, – пробормотал Пауль. Хотя никогда под таким углом на этот вопрос не смотрел. Хельга в ответ наградила разъяренным взглядом.

– Скажи еще, что это твои дружки повесили!

– Понятия не имею, кто это тут пристроил. И вообще, не нравится – сними. Ну, или хочешь, я сниму.

Не то чтобы дурацкая табличка вызывала какое-то ярое неприятие. Но не ссориться же из-за нее!

– Совсем дурак? – Испуганно дернулась Хельга. – Садись уже и доставай книжки. Не ты вешал, не тебе и снимать. Неприятностей захотел?

– Да какие из-за нее неприятности? Повесил какой-то придурок, а все вокруг трясутся. – Хмыкнул Пауль, но настаивать не стал. Плюхнулся на деревянную скамейку, с наслаждением выбравшись из лямок. Тяжелый ранец звучно брякнул о ровные доски стола.

– Ты, Блау, и впрямь дурак или прикидываешься? – Рыжая выразительно постучала пальцем по лбу. – Или думаешь, раз с парой штурмовиков подружился, так все можно? Дай только повод – сожрут и не подавятся. Знаешь, что с такими умными сейчас делают?

– Можно подумать, ты знаешь, – с досадой ответил Пауль. Кому понравится, когда с тобой разговаривают, будто с малолетним?

– Я-то знаю. – Огрызнулась Хельга.

– Да ну? Откуда? – Спросил с сарказмом в голосе и тут же пожалел: девушка закрылась, будто ракушка. Только что яростно сверкала глазами, а сейчас – сидит, словно замороженная кукла.

– У отца приятель был из социал-демократов, – тихо ответила она после молчания. – Из идейных. На митинги ходил, деньги вносил регулярно. Гитлера последними словами поносил. Отец его, дурака, предупреждал, чтоб рот на замке держал, да куда там.

– И что?

– И все. В тридцать третьем его гестапо¹⁵ арестовала. Ну, как арестовала. Запихали без объяснений в машину и увезли куда-то. Вернулся через полгода такой, что... В гроб краше кладут.

Пауль припомнил дерганные движения Юргена и торопливо кивнул. Он, кажется, вполне представляет, как выглядел этот социал-демократ.

– Вот от него я и знаю, как нынешняя власть со всякими умниками типа тебя разбирается. – Мрачно закончила Хельга.

– А он, что ли, рассказывал?

– Рассказывал. Его где-то в Ораниенбурге держали. Штурмовики там заняли старую фабрику в центре города. Все колючей проволокой оцепили. Туда людей и свозят. Заставляют бегать с груженными камнем мешками по кругу. Кто свалится от усталости, бьют железными прутами, собаками травят. Законов никаких, творят все, что в голову взбредет. Сумеешь убедить, что все понял и теперь готов за их фюрера жизнь положить – может, выпустят. А, может, до смерти забьют. Как повезет.

Пауль неуютно поежился. Не очень приятно думать, что совсем недалеко от Берлина творятся такие дела. Здесь, под радостным весенним солнышком, в подобные ужасы не очень-то и верится. Нет. Стоило лишь вспомнить затравленное лицо Юргена, как все сомнения в правдивости рассказанной истории как рукой сняло.

¹⁵ Гестапо (Gestapo, сокращенно от Geheime Staatspolizei) – тайная государственная полиция, задачей которой было преследование инакомыслящих на территории нацистской Германии.

– Вот я тебе и говорю, Блау, поменьше умничай и не лезь с инициативами, куда не просят. Раз эту табличку не ты повесил, то и снимать ее не тебе. Доставай уже книжки, что мне тут с тобой, до ночи сидеть?

Физика и геометрия неожиданно оказались далеко не таким темным лесом, как боялся Пауль. Всего-то и надо было, что опять начать учебник с самого первого урока. Сидящая рядом Хельга, как правило, остается довольной.

А вот кто никакой радости по поводу неожиданных перемен не испытывает, так это Фриц.

– Ты, Блау, друзей на математику променял, – заявил ему как-то приятель после школы. Пауль в ответ только пальцем у виска покрутил. А что еще ответишь?

Чем ближе двадцатое апреля, тем сильнее лютует гитлерюгенд. Через день изнуряющие марши. Камерадшафтсфюрер¹⁶ торжественно пообещал, что самолично порвет на куски каждого, кто будет недостаточно усердно тянуть ногу. Правда, желающих отлынивать и без его угроз немного: слишком уж большая честь на кону. Те, кто хорошо зарекомендует себя на финальном смотре перед штатмфюрером¹⁷, двадцатого числа отправятся во дворец спорта – маршировать перед Гитлером в день его рождения. Остальные будут топтать по школьным дворам на обычных линейках.

Пауль в последнее время еле соображает, на каком он находится свете: кажется, вся жизнь состоит из бесконечных маршей, перемежаемых занятиями с Хельгой. Несколько раз в голове вспыхивала лихорадочная мысль отложить пока уроки в дальний ящик – в конце концов, после двадцатого жизнь вернется в более размеренное русло. Но каждый раз заставляет себя стиснуть зубы и на негнувшихся ногах плетется в привычный садик. Кажется, чего стоит одна крохотная поблажка? Но – никакой капитуляции. Даже если она видится единственным шансом на выживание.

С этой мрачной мыслью Пауль ввалился в класс после утренней пробежки. Только и остается, что скучать по тем временам, когда такими вещами заведовал учитель физкультуры. Немолодой дядька в вечно мятом спортивном костюме кажется сущим ангелом на фоне командующего школьной дружиной. Вот уж кто с удовольствием загонит всех до смерти и не почешется.

– Да ну ее к черту, эту школу! – В сердцах возопил зашедший следом Фриц. – Дитрих, ты же целый шарфюрер. Скажи учителю, что мы сегодня не в состоянии. Мы же к дню рождения фюрера готовимся! Пусть отменяют уроки!

Дитрих – худой, как палка, белобрысый и высоченный, будто настоящая пожарная каланча. К школьным занятиям он относится серьезно, но на сей раз на замученной физиономии проступила глубокая задумчивость.

– Ну... Я ж не могу один. Но если мы всем шаром потребуем от старика Клауса...

– Хватит чепуху городить, – неожиданно резко отозвалась Хельга. Она уже сидит за партой, книги и чернильница разложены в идеальном порядке. Неудивительно, союз немецких девушек хоть от физкультуры никто не освобождал, но гоняют их вдесятеро меньше, чем гитлерюгенд¹⁸.

– Никаких отмен занятий. Этак вы до двадцатого числа себе каникулы устроите.

Строгий голос, брови сошлись к переносице – хоть сейчас учителем ставь. Всех по струнке выстроит.

– Тебя спросить забыли, – немедленно огрызнулся Морген.

¹⁶ Камерадшафтсфюрер – младший из руководителей гитлерюгенд, руководил десятком рядовых гитлерюнге.

¹⁷ Руководитель гитлерюгенд районного уровня.

¹⁸ В отличие от советской пионерии и комсомола, в Третьем Рейхе практиковалось половое разделение молодежи. Гитлерюгенд был сугубо мужской организацией, для девушек был создан союз немецких девушек, задача которого – воспитать жен и матерей, способных организовать уют семейной жизни.

– Ну и зря забыли. – Невозмутимо парировала Хельга. – Дитрих, не слушай ты их.

– Да пошла ты, заучка недоделанная! – Взорвался Фриц. Класс погрузился в звонкую недобрую тишину. Неодобрительную, но боязливую. Все вокруг разом уткнулись в книжки. Морген-младший успел за минувшие годы состряпать себе ту же репутацию, что и Пауль. С таким поди свяжись. Хельга медленно опустила глаза.

– Ты за языком-то следи. – Мрачно буркнул Пауль. Еще только ссориться не хватало. Но и молчать, глядя на скисшую подругу, тоже нельзя. То есть, конечно, можно, но кем себя потом будешь считать? И в глаза ей смотреть потом... Фриц в ответ смерил его злобным взглядом.

– А я, Блау, уже говорил, что ты друзей на математику променял.

– Ничего я не менял! Веди себя по-людски, вот и весь сказ. – Буркнул Пауль. – Уймись уже.

– В самом деле, Фриц, ты совсем уж... – Начал было Дитрих.

– А ну, ша! – Гаркнул Морген на побледневшего шарфюрера. Да, это тебе не старикан Отто, тот бы за подобный фортель смутьяна на половые тряпки пустил. А Дитрих отступил на шаг и заткнулся.

Закончив с «начальством», Фриц повернулся в сторону Пауля.

– Значит, вот и вся цена твоей дружбы, да?

– Это не моей дружбы цена, это ты расхрабрился на тех, кто тебе ответить боится. Тоже мне, смельчак отыскался. С девушками воевать. Тьфу!

– Чего?! Я, что ли, по-твоему, трус? Сам-то сильно смелый? Ну врежь мне, если кишка не тонка. Я тебя, жиденка, узлом завяжу, понял?!

Долго себя уговаривать Пауль не заставил. Бац! И положил Фрицу с правой в глаз. Того унесло к соседней парте. Сидящая за ней Клара громко взвизгнула, а Морген, вскочив, бросился на него с кулаками. Попытался сбить с ног подсечкой, но Пауль в последний момент схватил противника за шиворот. Оба, сцепившись, покатались по полу. Остальные зайцами брызнули во все стороны.

– Давай пройдемся, – предложила Хельга на следующий день. Они просидели в садике на Леопольдплац несколько часов. Английский с его неправильными глаголами – та еще галиматья, голова так и пухнет.

– Я тебя до дома провожу. – Предложил Пауль. Девушка медленно кивнула. На миг появилось ощущение, что она чувствует себя ужасно неуверенно.

Берлинские улицы потихоньку пустеют. Солнце заливает тихие дворики раскаленным оранжевым светом. Весь мир наполнен оттенками огненного: алые знамена на фасадах домов. Слепительные блики светила в окнах. И рыжие волосы Хельги.

– По-моему, это несправедливо, что вас не допустили. – Сказала она после недолгого молчания.

Во дворец спорта штатмфюрер их товарищество¹⁹ не взял. И дело тут не в драке самой по себе, а в сочных лиловых фонарях, которыми обзавелись трое из десятка. Третьим оказался Дитрих. Несчастный олух полез разнимать их с Фрицем и сам получил от Моргена по носу. Не по злобе, а как-то само получилось.

Как бы то ни было, вердикт окончательный и обжалованию не подлежит. Еще не хватало, чтобы фюрер любовался на разбитые носы своей молодежи. Так что придется вместе с остальными неудачниками проводить школьную линейку.

– Не расстраивайся. В следующий раз обязательно получится. Сильно болит?

¹⁹ Ячейка Гитлерюгенд, состоящая из 10 рядовых-гитлерюнге. Возглавлялась камерадшафтсфюрером.

– Не очень. – Соврал Пауль. На самом деле скула нещадно саднит, а в зеркало и вовсе взглянуть страшно. Кому ж понравится собственная физиономия, украшенная здоровенным синяком? Одно утешение – Фрицу он основательно подбил глаз. Теперь ходит, освещая путь свеженьким фонарем. Так себе утешение. И то, что количество маршей и шагистики резко упало – тоже совсем не повод для радости.

– Знаешь, а я ведь не думала, что ты за меня вступишься. – Сказала Хельга, когда впереди показался ее дом. Раньше она Пауля к небольшому двухэтажному домику на окраине Веддинга на пушечный выстрел не подпускала.

– Хорошего ж ты обо мне мнения.

– Дурак! Я совсем не о том! – Непонятно почему вспыхнула Хельга. – Из-за меня на глазах всего класса полез в драку с лучшим другом. А ведь о нас и до этого случая всякие слухи ходили...

– Какие еще слухи?

– Ну... – Хельга неожиданно залилась густым румянцем. – Говорят, что мы с тобой гуляем теперь. А про уроки придумали, чтобы отмазка была.

Пауль смешался. Он и сам пару раз задумывался, что именно так оно и выглядит. Да еще эти глупые девчонки, что хихикают на переменах. Как только думают, что их не видно, бросают в его сторону ехидные взгляды. Хотя, если уж начистоту, что в этом криминального? Вон, Людвиг Шнайдер вполне открыто гуляет под ручку с Хеленой из соседнего класса. Правда, девчоночьих насмешек и перешептываний эта парочка получает побольше Пауля.

– Я об этом не подумал. – Признался он, когда затянувшаяся пауза показалась совсем уж неловкой. – Да и какая разница? Все равно надо было этого дурака заткнуть.

– Угу. – Глаза девушки опущены, и румянец все так же алеет на щеках.

– Слушай, я не хотел, чтоб все так думали. Честно. – Попытка исправить ситуацию неожиданно возымела прямо противоположный эффект.

– Дурак ты, Блау! – Вспыхнула Хельга. – И вообще... Закрой глаза.

– Зачем?

– Надо!

Пауль послушно зажмурился. И даже представил, как девушка сейчас чмокнет его в щеку, но Хельга, подавшись вперед, обвила руками его шею и поцеловала прямо в губы.

Все ожидания, сомнения и страхи в одночасье исчезли, растворившись в звонкой тишине. Они стоят, зажмурившись, и целуются, облитые лучами заходящего солнца. А ведь она на самом деле очень красивая, хоть Пауль и гнал эти мысли, пытаясь убедить самого себя, что ничего, кроме делового партнерства, их не объединяет.

Наконец, Хельга медленно отступила. На губах девушки – лукавая улыбка.

– Вообще-то, Блау, это ты должен был делать первые шаги. А ты только и можешь, что о математике трещать.

– Если бы я к тебе полез целоваться, ты б мне второй фингал рядом с первым поставила. – Возразил Пауль. Губы сами собой разъезжаются в дурацкой улыбке. Кажется, где-то в далеком небе распаивается совсем новый мир. Восхитительный и прекрасный.

Хельга в ответ негромко рассмеялась.

– Давай еще погуляем немного?

Есть что-то чарующее в том, чтобы, победив непрощенное смущение, идти с ней по улице, держась за руки.

Глава 6

Март тридцать пятого выдался солнечным, но прохладным. Промозглый весенний ветер пробирает до костей. На Мюллерштрассе из стороны в сторону нехотя качаются голые ветки деревьев. Пауль поехал, постаравшись, чтобы зябкое движение осталось незамеченным: новое теплое пальто накинуто поверх легкого плаща Хельги. Покажешь, что замерз – она тут же попытается его вернуть. И сама тотчас примется дрожать от холода. А видеть ее в своем пальто... От этого в глубине груди разливается что-то непонятное и теплое, пока они идут тихими берлинскими дворами.

Можно только удивляться, как изменилось за последние пару лет царство покосившихся развалюх и неопрятных серых стен: все вокруг вылизано и выкрашено яркой краской. Дома щеголяют нарядной отделкой, даже извечные неряшливые объявления «куплю, продам, сдам в аренду» куда-то исчезли. Если уж нужно что-то повесить – вешай на специально отведенное место. Хотя и там вместо кое-как накарябанной писанины красуются яркие и красочные плакаты. Рабочий в коричневой рубашке укладывает массивный кирпич на идеально ровную стену. За спиной – алый флаг со свастикой, а чуть выше строгим готическим шрифтом – призыв: «Гитлер строит – помогите ему! Покупайте немецкие товары!»

– Не нравятся мне все эти новости. – Пробормотала Хельга, когда они остались вдвоем посреди нарядного царства порядка и благополучия. Девушка нахохлилась, тонкие пальцы сжали темную драповую ткань.

Пауль только и мог, что наградить ее растерянным взглядом.

– Это еще почему?

– Потому что армию создают, чтобы она воевала. – Буркнула Хельга, еще сильнее вцепившись в борта пальто, будто тщаь укрыться от неуютного мира.

Пауль лишь покачал головой. О создании армии сегодня объявил по радио сам фюрер. Специально по этому поводу их построили во дворе школы. Они, как и школьники на всех землях Рейха, прослушали обращение, стоя в идеальном строю. Чтобы над головами развевались знамена, чтобы чувствовать рядом плечо товарища... Наверное, иначе такие новости слушать нельзя.

Гитлер говорил долго: о том, что позорное клеймо Версаля²⁰ смыто. Цепи, которыми враги Германии сковали великую державу, разорваны. Армия Рейха вновь станет источником непреходящей гордости немецкого народа. На смену карликовому Рейхсверу²¹ пришел Вермахт – армия народа, что стоит на страже безопасности Германии. Военная служба – больше не привилегия устроившегося на контракт наемника, а священный долг каждого гражданина.

Тогда, во дворе, все встретили речь фюрера единодушным «Хайль Гитлер!». Хельга кричала наравне со всеми. Но то, что она говорит при людях – совсем не то же самое, что слышит Пауль, когда они остаются вдвоем.

– Только не фюрер, – убежденно ответил Пауль. – Вермахт будет не войны развязывать, а защищать Германию.

– Слушай, Блау! – Хельга так резко крутанулась на каблуках, что рыжие волосы огненным веером взвились в воздух. Увенчанный длинным ногтем палец ощутимо ткнул Пауля в грудь. – Детская наивность хороша, когда тебе шесть, а не шестнадцать! Ой...

²⁰ Версальский мирный договор заключен по результатам первой мировой войны. Его условия были подчеркнута унижительными для Германии, и, помимо прочего, накладывали жесточайшие ограничения на численность и вооружение армии.

²¹ Прежнее наименование вооруженных сил Германии в период с 1919 по 1935 год.

– Ну-ну. – Пауль наклонился и поднял с земли упавшее пальто. Хельга безропотно позволила снова накинуть его себе на плечи. – А, может, дело не в наивности? По-моему, у кого-то скепсис из ушей лезет.

Девушка возмущенно фыркнула.

– Нет, в самом деле. Фюрер обещал спасти Германию от красной угрозы – и коммунистов извели под корень. Фюрер обещал, что поднимет страну – и он действительно поднял страну.

– Так уж и поднял... – Пробубнила себе под нос Хельга. Пауль молча взял ее за руку. Узкая ладошка показалась ледяной. Ну вот что ей стоило одеться по-нормальному? Ох уж эта девчоночья мода...

– Пощупай. – Сказал он, положив тонкие девичьи пальцы на темный драп. – Прекрасная ткань, правда? В жизни не помню, чтобы мне покупали таких дорогих вещей. Куда чаще приходилось донашивать то, что осталось от брата.

Девушка снова фыркнула, но промолчала. Возразить ей нечего. Германия Адольфа Гитлера марширует под алыми знаменами, кричит «Хайль», украшает флагами со свастикой улицы, но это – внешняя сторона. Есть, однако, еще одна. Глубокая и будто бы незаметная. Это новые ботинки вечно простуженного Ганса. Дорогой шерстяной пиджак Людвиг, чей отец то и дело занимал деньги, потому что полочки не хватало на месяц. Даже оболтус Фриц щеголяет в новой шинели.

И никакой кризис уже не пытается наложить лапу на две сосиски в полной тарелке.

– Если фюрер что-то говорит, значит, так оно и есть. – Убежденно закончил Пауль.

Фриц наградил бывшего друга тяжелым недружелюбным взглядом. В армии, небось, ему так тарашиться никто не даст. По уставу запрещено. В гитлерюгенд, однако, запрещающего злобные взгляды устава еще не придумали.

Морген отточенным движением снял с плеча винтовку и передал ее Паулю. Дальше – шаг вправо, разворот, еще шаг вправо – и вот он стоит, вытянувшись во фрунт, возле украшенного цветами портрета фюрера. Смена караула завершилась. По другую сторону застыл с такой же винтовкой Людвиг Шнайдер. Несколько лет назад Пауль устроил ему славную трепку за симпатии к красным, а тот его в ответ обозвал коричневой чумой. А сейчас – гляди ты, вытянулся, как гвардеец на параде.

Фриц и Ганс отсалютовали портрету Гитлера и направились восвояси, а новая смена осталась торчать на месте. Еще каких-то четыре года²² – и вместо коричневой рубашки и черного галстука на нем будет настоящая военная форма. И к винтовке будет прилагаться магазин с боевыми патронами.

Вокруг царит привычная школьная кутерьма. Мальчишки в коричневых рубашках, девчонки в белых блузках и черных юбках. Все спешат в сторону своих классов. Каждый, проходя мимо поста у портрета, не забывает вскинуть руку в приветствии. Поначалу многие к такому церемониалу относились спустя рукава, но школьное руководство гитлерюгенд живо отучило разгильдяев проявлять преступную халатность к священной обязанности каждого рейхсдойче²³.

Поначалу это казалось жуть как весело. Ну, ладно, это и сейчас не сильно грустно. Но все эти обязанности, одна священнее другой, множатся так быстро, что любые грибы после летнего ливня обзавидуются. Интересно, а в училище тоже придется что ни день устраивать торжественные марши?

²² Призывной возраст в Третьем Рейхе в довоенный период – 20 лет.

²³ Рейхсдойче – термин, которым обозначались лица немецкого происхождения, постоянно проживающие на территории Рейха. Фольксдойче – лица немецкого происхождения, проживающие за пределами Рейха.

Поступать училище Рейнметалл²⁴ его надоумила Хельга. Сама она нацелилась на университет Фридриха Вильгельма²⁵. Пауль, как бы подруга ни тянула к знаниям, на высшее образование даже замахиваться не пытается. Не по карману, да и вступительные экзамены такие, что легче сразу пойти и удавиться. Хотя, конечно, обидно. Получил высшее образование – все, считай жизнь удалась. И окружающие сразу смотрят с немым уважением в глазах, да и зарплаты у врачей или инженеров такие, что только и остается восхищенно закатывать глаза. Впрочем, даже если он каким-то чудом поступит – все равно в двадцать в армию заберут. Погодите-ка...

Пауль и так стоял, словно истукан, а от неожиданной догадки и вовсе превратился в соляной столп. Вот оно! Если себя хорошо показать в армии – наверняка представится шанс стать офицером. А уж коли на твоих плечах лейтенантские погоны – все врачи и инженеры могут прикурить. Интересно, как к этой идее отнесется Хельга...

Домой вернулся поздно вечером. Времена, когда за подобное можно было получить головомойку, давно позади. Во-первых, Пауль повзрослел и с полным основанием пользуется запретными ранее благами и свободами. Во-вторых, он же не баклуши все это время бил!

Сначала школьный штаммфюрер в честь создания Вермахта устроил полновесный марш-бросок с полной боевой выкладкой. Что именно должно быть в боевой выкладке, большинство представляет довольно смутно, так что взяли школьные ранцы – небось, потяжелее солдатских будут. Роль винтовок исполнили заранее собранные со всей округи лопаты.

Результат марш-броска оказался провальным. После попытки объявить воздушную тревогу с последующим укрытием в придорожных зарослях, отмахавшая без малого десять километров воинская часть взбунтовалась: почти половина личного состава наотрез отказалась лезть в кусты и гробить там нарядную форму. А форма эта, между прочим, еще и денег стоит! Обычно взбунтовавшиеся солдаты устраивают или дебош, или революцию. Дебош сочли проявлением асоциальной распушенности, а революцию – противоречащей германскому духу. В результате закончили дело парадом в честь будущих побед Рейха над международным еврейством.

– Пока тебя не было, заходил Рудольф. Просил, чтобы ты к полудню субботы пришел к нему домой помочь с переездом. – Сказала тетушка, убирая тарелки после ужина.

– Как? Почему? Его все-таки выперли из квартиры? – Удивился Пауль.

Лишившись работы, брат добрых полтора года занимался черт-те чем. Таскал мешки, подрабатывал чернорабочим, хватался за любое занятие, лишь бы семью не выкинули на улицу. Как он радовался, когда, наконец, отыскал хорошую работу в серьезной конторе! Даже начал планировать поступить на инженерный факультет. И неужели сейчас, когда жизнь начала налаживаться...

– Никто его не выпирал. Им предоставляют новую квартиру. В собственность. Отец Марты похлопотал – он на службе обзавелся полезными связями.

Только и остается, что облегченно вздохнуть... И восхищенно покрутить головой. Да уж, связи в государственных органах – очень полезная штука.

– Кстати, о связях, – неожиданно вмешался в разговор дядя Вилли. – Я, право слово, не ожидал, что начну этот разговор, но последние изменения в твоем характере...

– Это все Хельга. – Убежденно перебила супруга тетушка. – Я надеялась, что в жизни Пауля появится приличная девушка, способная наставить балбеса на путь истинный. И счастлива, что мои надежды сбылись.

²⁴ Рейнметалл (в описываемое время – Rheinmetall-Borsig AG) – немецкий концерн, с 1889 года по настоящее время является одним из крупнейших производителей оружия в Германии.

²⁵ Университет Фридриха Вильгельма (в настоящее время – университет имени Гумбольдта) – старейший из университетов Берлина.

– Да-да, конечно. Так вот, насчет связей. Наша газета получила льготу от рейхсминистра просвещения. Возможность погасить семьдесят процентов обучения в любом высшем учебном заведении Берлина. Главный редактор подарил ее мне в честь тридцатилетия безупречной службы. Я знаю, что ты, Пауль, имеешь виды на училище Рейнметалл и полагаю этот выбор достойным, но высшее образование – это высшее образование.

– Да, такой шанс ни в коем случае нельзя упускать! – Категорически заявила тетушка.

А вот Пауля, как ни странно, неожиданная перспектива совсем не обрадовала. Только он окончательно расписал для себя все планы на будущее – и ведь даже Хельга, уж на что пацифистка, а твердо убеждена, что армейская служба – это его призвание! И на тебе. Будь это что другое, равнодушно отмахнулся бы, как от досадной помехи. Но высшее образование – это очень серьезно. Это, считай, пробиться в самые что ни есть небожители. Но стоит представить себя в парадной форме с аксельбантами...

– Я очень благодарен вам, дядюшка. Но у меня другие планы. – После недолгой заминки ответил Пауль.

– Да ну? И какие же, позволь узнать?

– Я твердо решил стать офицером.

Поднявшиеся было над роговой оправой очков брови дяди Вилли вернулись на законное место.

– Ах, ну конечно. Совсем забыл про эту новость. Армия... Ну, что ж, достойное начинание. И, пожалуй, куда более соответствующее твоей натуре.

– Я уж и не надеялась дожить до того времени, когда молодежь опять начнет мечтать об офицерских званиях. – Тихо добавила тетушка Гретхен.

В субботу Пауль пришел к назначенному времени на Зеештрассе. Семья брата живет – теперь уже жила – в четырехэтажном доме, окна которого выходят прямоком на шумную улицу. Не самое приятное местечко, но бывает и хуже. Возле подъезда стоит грузовой «Опель». Водитель безмятежно курит, пуская в синее небо облачка дыма.

– Пауль! Поднимайся к нам! – Раздался сверху крик Рудольфа.

Внутри небольшой квартиры – радостное оживление. Марта и малышка Ильзе, которой скоро стукнет восемь, укладывают в коробки тщательно завязанные узелки с вещами. Сам Рудольф примеряется к тяжеленному пианино.

– Привет. Спасибо, что пришел. Мне без тебя никак не справиться.

– Привет, дядя Пауль!

Слово «дядя» поначалу ввело в совершеннейший ступор. Так его еще никто не называл. Хотя все вроде бы верно: он по сравнению с белобрысой шмакодявкой самый настоящий дядя. Да и с точки зрения родственных уз Ильзе ему приходится племянницей.

– Добрый день. – Спокойно поприветствовала его Марта. На мгновение их взгляды встретились. Кажется, в синих глазах таится тщательно упрятанная неприязнь. Только и остается, что тихо вздохнуть. Жене брата он за минувшие годы запомнился как сорванец, докуривающий чужие окурки, разрисовывающий стены всякими гадостями и дерущийся с другими, такими же маловоспитанными обитателями берлинских дворов. Из песни слова не выкинешь, всего этого в его жизни и впрямь хватало, но...

Все равно в душе неприятно зацарапалась глухая досада. Положение спас ничего не заметивший Рудольф, схватившийся за край пианино.

К тому времени, когда они, пыхтя и проклиная все на свете, вытащили тяжеленную бандуру во двор, Пауль про неурядицы с собственным прошлым и думать забыл. Хандрить и рефлексировать хорошо, когда есть свободное время, а вот тяжелый физический труд всю эту дурь из головы вышибает на раз.

– Ну и тяжела, гадина... ух... Еще диван. И поедем, – вымолвил брат, вытирая проступивший на лбу пот.

– А остальная мебель? – Не понял Пауль.

– Так она не наша, а хозяйина квартиры.

– Как так? А как же вы в новой квартире жить собираетесь?

– Да там уже все есть. Одной головной болью меньше.

Только и остается, что удивленно покачать головой. Что ж у тестя Рудольфа за связи такие, что ухитрился выцарапать целую обставленную квартиру?

После того, как диван занял место в кузове рядом с пианино, настал черед подготовленных Мартой коробок и узелков со всякой мелкой утварью. Последним оказался старый деревянный сундук, на котором красуется украшенное завитушками «1895». Пауль при виде раритета удивленно хмыкнул. Дубовый ветеран, небось, железного канцлера фон Бисмарка помнит.

Места в кабине всем не нашлось, так что рядом с шофером посадили Марту и малютку Ильзе, а братья Блау залезли в кузов.

– Что ж у твоей родни за связи, что вам бесплатно обставленную квартиру выдали? – Не удержался от расспросов Пауль, когда «Опель» выкатил на забитую машинами улицу.

– Ну, мы все-таки не бесплатно ее получили. Дрезднербанк выставил на торги целый список квартир. Хотя цены и впрямь смехотворные. А отец Марты как раз в том банке руководит имущественным отделом. Предупредил, чтобы мы вовремя подали заявку, подсуетился с первым взносом...

– А чего это банк квартиры за бесценок продает? – Удивился Пауль. Но брат лишь индифферентно пожал плечами. Какая разница?

Грузовик всю петляет по берлинским улицам. Они довольно быстро заехали в мало-знакомые места. Только и остается, что таращиться на нарядные фасады. В глаза бросается явный недостаток наглядной агитации. Все вокруг чинно, мирно и спокойно, никаких тебе знамен и плакатов, с которых скалятся носато-пейсатые карикатуры. Куда это они заехали?

Остановились неподалеку от нарядного трехэтажного домика.

– Что, на третий этаж? – Обреченно спросил Пауль.

Оказалось, на второй. Первой в подъезд забежала Марта. Открыть двери в новое семейное гнездышко, покуда братья Блау, матерясь сквозь зубы, тащат тяжеленный музыкальный инструмент.

Квартира встретила обоями пастельных тонов. Дорогая и качественная мебель несет следы беспощадного времени. Наверное, лет тридцать назад такая обстановка стоила целое состояние... Хотя она и сейчас ни разу не дешевая.

Следом за пианино в квартиру «заселился» диван. Пауль как раз было успел подумать, что ярко-красная обивка ужасно дисгармонирует с остальной меблировкой, когда Марта распахнула дверь в огромную раскрашенную в кричащие тона детскую. На стене отплясывает играющий на гармошке ослик, ему подыгрывает кот-скрипач. В веселом царстве ярко-красный будет смотреться великолепно.

Пауль вновь почувствовал замешательство. Если банк вот так взял и продал за гроши дорогущую трехкомнатную квартиру – значит, получил он ее еще дешевле? Ну или, как минимум, не сильно дороже. Не в убыток же себе они ее на торги выставили. Какой, интересно, дурак избавился от такой роскоши?

– Пойду расплачусь с водителем. – Рудольф вытащил из кармана пару банкнот и направился на улицу. Марта, судя по звукам, как раз обживается на кухне. Пауль остался один – если не считать пританцовывающих бременских музыкантов, что весело подмигивают со стен.

Долго наслаждаться одиночеством ему не дали: в комнату заглянула Ильзе. В руках коробка – явно слишком тяжелая для семилетней девчонки.

– Давай помогу. Что тут у тебя?

– Это не мое, – наморщила нос племянница. – От старых хозяев осталась куча барахла. Мама велела собрать все и выкинуть. А разве не надо вернуть им? Нехорошо таскать чужое на помойку, разве не так?

– Раз не вывезли, когда съезжали, значит, сами виноваты.

– Да? Значит, я кое-что могу не выбрасывать, а оставить себе? Смотри, я тут книжку нашла. Красивая, только без картинок.

Пауль с некоторой растерянностью уставился на извлеченный из коробки потрепанный томик. На темно-бордовом переплете золотым тиснением выбиты странноватые символы, а под ними – шестиконечная звездочка.

– Лучше выкинь, – посоветовал Пауль. – Еще не хватало еврейские книжки дома держать.

– Ааа, так, значит, прошлые жильцы евреями были? – Догадалась Ильзе. – А куда теперь они подевались?

– Понятия не имею. – Честно ответил Пауль. Он сам из такой квартиры просто так не съехал бы. – Да и какая разница?

– Они, наверное, специально все барахло оставили. Чтобы нам больше мороки было все это на помойку таскать. Вот гады противные!

– Ильзе! Перестань донимать дядю Пауля со своими глупостями. – На пороге появилась Марта. В направленном на дочь взгляде – строгое неодобрение.

– Да она меня не донимала, – попытался защитить племянницу «дядя», но безуспешно.

– Я тебе велела вынести этот мусор, вот и делай, что велено.

В голове мелькнула мысль, что жену брата рассердило совсем не небрежение дочери, а то, что она болтает с непутевым родственником. Во взглядах, что Марта бросает в его сторону, ясно видна неприязнь.

– Мам, смотри, тут книжки еврейские. – Ильзе продемонстрировала томик с золотой звездочкой. – Дядя Пауль говорит, лучше их выкинуть.

Марта от подобных новостей так откровенно смешалась, что стоило большого труда сдерживать готовый сорваться смех. Строгой матери полагается сказать что-то вроде «слушай дядю Пауля», но как такое брякнешь? Нелюбимый родственник в ее представлении тотчас бросится учить дочь гадостям, какие добропорядочной фройляйн вовсе знать не положено.

Смех смехом, а в глубине души от такого отношения поднимается угрюмая обида.

– А в том сундуке под кроватью куклы остались. Можно, я хоть куклы себе оставлю?

– Господи, Ильзе, неужели тебе кукол мало? – Всплеснула руками Марта.

– Но они же красивые... – Надулась в ответ малявка.

Разгорающийся спор прервал донесшийся с улицы звук взревевшего двигателя. Не иначе, получивший свою плату водитель как раз выруливает на дорогу. Вот черт, а он надеялся с ним доехать обратно до Веддинга.

– Что тут у вас? – Спросил появившийся в дверях Рудольф.

– Тут сундук с еврейскими куклами! – Немедленно отреагировала Ильзе. – Можно, я кукол себе оставлю? Они же не виноваты, что они еврейские, они все равно хорошие!

Почтенного отца семейства такая постановка вопроса поставила в тупик. А Пауль в очередной раз подавил рвущийся смешок. По нынешним временам даже назвать хорошей еврейскую куклу уже тянет на преступление против нации. Каждый плакат, радиоточка, газета... Да что там, каждый утюг ежечасно предупреждает почтенных граждан о еврейской угрозе, о том, что эти исконные враги рода человеческого готовят вероломный удар... Абсурдность дурацкой трескотни очевидна уже даже распоследнему олуху. Наверное, что-то подобное и имеет в виду Хельга, когда требует думать головой, а не свежими газетами. Ну да, одно дело – верить фюреру, который лучше всех понимает путь, по которому должна идти Германия. И совсем другое – слепо доверять ахинею, которую пишут в газетах сдуревшие от собственных бредней идиоты.

Пауль не очень понимает, для чего нужна вся эта шумиха. Он сам, если уж положить руку на сердце, ничего от евреев плохого как будто не видел. Хотя... Все, начиная от фюрера и заканчивая тетушкой Гретхен уверены, что добра Германии от них ждать незачем. Не на пустом же месте возникло такое единомыслие? Наверное, есть тому причины.

– Я, пожалуй, пойду.

– Как? Посиди немного. – Запротестовал Рудольф. – В шахматы сыграем, мы тебя кофе угостим.

– Прости, я обещал еще в одно место забежать, – соврал Пауль.

Ничего он никому не обещал. Но ощутил, что оставаться в новой квартире неуютно. Марта, хоть и ведет себя подчеркнута вежливо, все равно смотрит так, что все внутренности в ледяной комок сворачиваются.

От такого отношения со стороны какой-никакой, а родственницы, в душе разливается неприятная горечь. Но разве он властен что-то поделать? Может, в будущем представится шанс зарекомендовать себя с лучшей стороны? Глядишь, тогда она и изменит свое отношение.

О том, что скоро неприязнь со стороны Марты Блау вылетит из головы под грузом куда более мрачных переживаний, Пауль не знает.

Солнце уже потихоньку начало заливать мир закатными алыми красками, когда он добрался до дома Хельги. В голову лезут воспоминания о брате и его жене. Как они смотрят друг на друга, какая у них славная дочурка... Мысли сами собой перескочили на девушку, которую тетушка Гретхен уже пару раз успела назвать его невестой. Они уже целый год вместе. Успели познакомиться с ее родителями. Пауль изрядно робел, когда впервые переступил порог их квартиры. Отец Хельги – руководитель отдела в БМВ. Компания за последние несколько лет превратилась в огромный концерн. Поговаривают, если дела и дальше так будут идти, они превратятся в автопроизводителя мирового масштаба. И деньги там вертятся вполне соответствующие. Герр Краузе – отставной офицер. Огромный, статный, с роскошными усами и зычным голосом. И, вопреки опасениям, абсолютно индифферентно отнесшийся к сомнительной славе Пауля.

– Главное в молодом парне – чтоб ему на настоящий поступок пороку хватало, – громкогласно объявил он, смерив ухажера дочери многозначительным взглядом. – А дурь, она с возрастом выветривается.

В этот день Пауль впервые задумался о том, чтобы сделать Хельге предложение. Но ведь мужчина, как ни вертись, должен содержать семью. А Пауль – чего он может содержать? В этом году закончит школу и попадет в училище Рейнметалл. Наверняка попадет. Еще два года в училище – и можно будет устроиться на завод. Сможет ли он оплатить университет для Хельги? Держи карман шире.

В памяти всплыло одно из выступлений фюрера. Гитлер что есть силы клеймит проклятое еврейское влияние. Брак должен быть результатом настоящей любви, а денежные расчеты и тому подобное – это все второстепенно. Ну да, недовольно отозвался внутренний голос, Гитлеру легко говорить. Он-то, небось, не на зарплату в сто марок живет.

По пути сделал небольшой крюк, чтобы пройти через небольшой скверик, в котором они часто сидят до поздней ночи. Девушка сейчас, конечно, не там. Ей в это время положено быть дома. Скорее всего, занимается тригонометрией – вот уж зубодробительная наука.

Хельгу он нашел сидящей на лавочке посреди благоухающей сирени. На том самом месте, где они вчера целовались чуть не до полуночи. Девушка сидит, спрятав лицо в ладонях, плечи трясутся от несдерживаемых рыданий. Нервы от такого зрелища словно кипятком ошпарило.

– Хельга! Что случилось?

Возлюбленная резко обернулась на его возглас. И, разревевшись пуще прежнего, бросилась ему на шею.

– Что случилось? Тебя кто-то обидел? – Пауль осторожно обнял вздрагивающие плечи. Ну, если так оно и есть – доведший ее до такого состояния сильно о том пожалеет. Но Хельга лишь помотала головой.

– Отец... – И девушка снова разревелась.

– Что с ним? – Похолодел Пауль. Вот уж не думал, что с жизнерадостным, полным жизни здоровяком может что-то случиться. Но с ним, как выяснилось, ничего и не случилось.

– Его назначили начальником представительства в Гамбурге. – Тихо всхлинула Хельга. Кажется, уже выплакала все, что можно. – Через неделю мы уезжаем. Навсегда.

В груди разлился ледяной холод. Звонкий и безнадежный. Думал ли герр Краузе о чувствах дочери, когда соглашался на назначение? Наверняка думал. Мысли его угадать нетрудно. Немного погрустит, а потом успокоится. С глаз долой – из сердца вон. Мало, что ли, ухажеров в Германии?

– Не плачь, – попросил Пауль, не выпуская прильнувшую к нему девушку из объятий. – Все обязательно как-нибудь сложится. Будем друг другу письма писать.

– Не будем. – Тихо ответила Хельга. И медленно подняла на него огромные синие в глаза. В уголках бриллиантами сверкают слезы. – Это навсегда, понимаешь? Я...

Девушка запнулась. Тяжело вздохнула, узкая ладошка с неожиданной силой сжала руку Пауля.

– Это навсегда. И ничего не поделаешь. Отпусти меня. И я тебя отпущу.

– Но...

– Не надо, пожалуйста! – Звонко выкрикнула Хельга. Кажется, она опять готова разрыдаться. – Все это ничего не даст. Совсем. Только будем бесконечно рвать друг другу души пустыми ожиданиями писем, которые... Которые останутся просто письмами. Я... Я так не смогу. Пожалуйста, забудь, что знал меня. Навсегда. Будто вовсе мы никогда друг друга не знали. Так будет легче. И... Постарайся не делать глупостей.

Оглушенный страшными словами Пауль не успел ответить. Девушка впилась в его губы долгим поцелуем, что длился, кажется, целую вечность... Или, быть может, ему хочется, чтобы эта вечность никогда не заканчивалась.

Наконец, Хельга медленно отстранилась.

– Прости... И прощай. – И, развернувшись, побежала прочь, давась снова накатившими рыданиями.

Первый порыв – броситься следом. Пауль сделал было один шаг... И остановился. Тяжело осел на скамейку, вытащил дрожащими руками пачку сигарет. Трясущиеся пальцы загубили, наверное, с десяток спичек, прежде чем удалось прикурить. Затянулся, облачко дыма безмятежно устремилось в пылающее огненным закатом небо – ровно такое же, каким оно было год назад, когда она поцеловала его впервые.

Отчаяние и безумное неверие то накатывают, то отступают, будто океанский прилив. Он как будто до сих пор не может поверить в произошедшее. Словно вот-вот проснется на старом диване, укрытый купленным недавно теплым одеялом. И привидевшийся кошмар разожмет когти, а затем и вовсе уступит место смешливому облегчению – мол, приснится ж такая глупость... Нет. Он, к сожалению, не спит.

Докуренная сигарета полетела в урну, а Пауль полез в карман за следующей. Неведомая сила разрывает на две части. Одна, обезумевшая и яростная, требует броситься следом за Хельгой. Может быть, если он на самом деле сделает ей предложение, тогда она...

Зубы сомкнулись до болезненного хруста. Тогда она начнет на него кричать сквозь слезы, чтобы он не говорил глупостей. Она уже все решила. В груди от этой мысли противно закололо. Но девушка и в самом деле решила все и до конца. Она поедет с отцом в Гамбург, поступит там в какой-нибудь университет... Не в одном же Берлине есть университеты? Погорюет немного – и забудет о нем. Наверное, если бы она ожидала от возлюбленного какого-то шага – она бы...

Ну, дала какой-нибудь знак? Или нет? Или она ждет, что он придет за ней, а он сдастся слишком рано?

Оставшийся от папиросы крохотный огрызок больно обжег пальцы. Пауль тихо ругнулся. Окурок полетел следом за предыдущим собратом, а Блау полез за третьей.

И понял, что готов сдаться. Потому что Хельга, наверное, права. Потому что даже если он сейчас побежит следом, даже если уговорит остаться – что дальше? Даже если он не будет вылезать с заводов Рейнметалл, он не обеспечит ей достойной жизни и высшего образования. Не висеть же им на шее у дядюшки Вилли?

Тихо вздохнув, Пауль откинулся на спинку лавочки, безучастно глядя, как клубы табачного дыма растворяются в весеннем воздухе.

В школе Хельга больше не появлялась. Пауль сидит за партой в одиночестве. Год назад он согнал с этого места очкарика Вернера. Тот, конечно, удивился, что разгильдяй Блау вдруг рвется усесться за первую парту, но спорить не решился.

Семейство Краузе уехало из Берлина два дня назад. Он, что ни день, пытается убеждать себя, что жизнь на этом не заканчивается. Впереди училище Рейнметалл. Четыре дня назад от них пришел конверт с уведомлением, что герр Блау считается предварительно зачисленным, и от него ожидается школьный аттестат с надлежащими отметками. Радости отпечатанный на пишущей машинке документ не доставил никакой. Даже ожидающие где-то впереди офицерские погоны как будто потеряли львиную долю лоска. Что в них толку, если Хельга никогда не увидит его в парадном мундире?

В голову даже полезли было мысли плюнуть на чертов английский с его мудреной грамматикой и пойти пошататься по улицам. Просто бродить по нарядному Берлину, ни о чем не думая. Но Пауль, стоит в голову полезть этим глупостям, стискивает зубы и снова берется за новенькую авторучку. Жизнь, как ни стеной, продолжается.

Глава 7

Партийное бюро на Хедеманнштрассе встретило помпезной высокомерной тишиной. Пауль почувствовал себя потерявшимся посреди тяжелых прямоугольных колонн. Мрачный антураж – темный гранит и алые знамена со свастиками – заставляет ощутить себя крохотным испуганным винтиком зловещего механизма.

– Чем могу помочь, молодой человек? – Раздалось из другого конца зала. Там, за небольшим столиком, восседает дежурный в партийной форме.

– Здравствуйте. Я хочу... – Пауль почему-то смешался под бесстрастным равнодушным взглядом местного клерка. – Хочу вступить в ряды национал-социалистической рабочей партии Германии.

– Да ну? – Не меня выражения лица поинтересовался партиец. – И чем вызвано такое желание?

– Я уверен, что партия ведет Германию в верном направлении. И хочу поддержать это движение всеми своими силами. Чтобы фюрер в любой момент мог использовать все мои таланты и умения так, как посчитает нужным и правильным.

Ответ он заготовил заранее. Из-за этого никак не избавиться от тянущего ощущения фальши. Будто он не говорит от сердца, а тарабанит заученную по бумажке формулу. Перед зеркалом все казалось правильным, но сейчас эти слова почему-то показались по-идиотски помпезными. Хотя в них нет ни капли лжи. Пауль говорит абсолютно искренне.

Правда, в глубине души противно скребутся воспоминания о рассудительных словах дядюшки. О том, что дружба с властью вполне может самым наилучшим образом сказаться на карьере «юного Пауля». Как ни стыдись самого себя, а мысль эта сидит в самой глубине души и довольно потирает лапки.

– Вам уже исполнилось восемнадцать? – Уточнил дежурный. Ответ новоиспеченного кандидата он встретил все тем же равнодушным спокойствием.

Пауль нетерпеливо кивнул. И, повинувшись приглашающему жесту, протянул кипу документов. Партиец принял папку, быстро зашуршали перелистываемые бумаги.

На то, чтобы собрать все справки, ушел почти месяц. Зато теперь в его распоряжении свидетельство о немецком происхождении – свое и родителей. О потраченном времени грустить никакого смысла. Подсуетился сейчас, не придется бегать с бумагами позже, когда придет время жениться. Все равно без такого свидетельства браков теперь не регистрируют. Чтобы не загадить ненароком драгоценную немецкую кровь еврейскими примесями.

Дежурный многозначительно вздохнул: видимо, горюет по блаженному ничегонеделанию. Громко застучала пишущая машинка. Пауль терпеливо смотрит, как клерк клацает по клавишам небольшой «Олимпии». Ровно такой же пользуется дядюшка. Наконец, желтоватый, украшенный партийным вензелем листок извлечен из лотка. Партиец заозирался по сторонам, глаза так и бегают по черной поверхности столика. Как выяснилось – ищет печать, что стоит прямо позади пишущей машинки. И вот синеватый кружок с распластавшим крыльями орлом занял место под ровными рядами текста.

– Извещение с приглашением на собеседование придет по почте. Не опаздывайте. Извещение является официальным документом, обязывающим работодателя предоставить вам свободное время для его прохождения. – Все тем же безразличным голосом сообщил дежурный. И окончательно потерял к новобранцу интерес.

Улица встретила летней жарой и гулом машин, что проносятся по близкой Вильгельмштрассе. Нацисты подыскали себе неплохое логово. Раньше в этом здании обретался видный еврей Вальтер Ратенау, еще в двадцатых убитый националистами. Поговаривают, Геббельс спе-

циально выбрал именно этот дом – дескать, так смешнее и символичнее. Наверное, так оно и есть.

Интересно, что бы сказала Хельга, узнай о его планах стать партийным? Наверное, скривила бы нос и... Пауль резко тряхнул головой. С момента их расставания прошло уже почти три года, а он все равно нет-нет, да вспоминает рыжую красавицу, слишком уж скептически настроенную к окружающему миру. Хотя, его давным-давно отпустило. Успел даже обзавестись двумя подружками. Белокурая Герда выглядит мечтой арийца – сероглазая, высокая... И тупая, как пробка. Да и темноглазая Йохана с ее кудряшками тоже недалеко ушла. Ну да и черт с ними. А вот Хельга все равно из памяти никак до конца не выветрится.

Пауль еще раз тряхнул головой, будто ждет, что образ рыжеволосой одноклассницы вывалится через правое ухо. Вытащил сигарету и поплелся, прикуривая на ходу, в сторону автобусной остановки. Правда, очень быстро пришлось перейти на бег, чтобы успеть следом за подъезжающим массивным «Мерседесом».

Внутри царит жуткая духота, открытые форточки совсем не помогают: летнее солнце раскалило черный корпус, превратив вроде бы комфортабельный автобус в филиал преисподней. Спасибо хоть, в полупустом салоне не приходится толкаться с остальными пассажирами. Пауль уселся на мягкое сиденье, равнодушно проигнорировав раздраженный взгляд фифы в форме союза немецких девушек. Ту, кажется, раздражает папироса, от которой вверх вьется струйка сизого дыма. В последнее время пошли разговоры, что курение в общественном транспорте надо бы запретить. Если бы кто спросил Пауля, абсолютно идиотская инициатива. Вот только спрашивать его никто не собирается. А фюрер требует бороться с пагубной привычкой.

На следующей остановке в автобус запрыгнул тот, кого Пауль не слишком-то ожидал встретить в центре в разгар рабочего дня.

– Манфред!

Худощавый мужчина лет тридцати жизнерадостно осклабился и плюхнулся рядом с парнем.

Манфред Шлоссер работает с ним в одной смене, заодно исполняя роль старшего товарища над неопытным юнцом, только знакомящимся с производством и всеми его тонкостями.

Работа на заводе Рейнметалл оказалась далеко не тем раем земным, как думалось раньше. Тяжелый и монотонный труд выматывает повседневной рутинностью, и никакие деньги – а деньги и впрямь приличные – этого не искупают. Немного помогает осознание того факта, насколько важным делом он занят, стоя у станка.

Пауль, как и все рабочие, прекрасно осведомлен, что производят они тракторы. По крайней мере, так пишут в документах. Вот только где вы видели трактор, оснащенный наклонной броней, да чтоб во вращающейся башне была установлена двухсантиметровая автопушка?

Ни для кого не секрет, что тракторами сходящие с конвейера танки называют исключительно для того, чтобы французские шпики не попытались предъявлять претензий за нарушение каких-то там договоров.

– Здорово! А ты чего в выходной таскаешься по этим душегубкам?

Приехавший пару лет назад из Чехословакии, Манфред говорит со смешным акцентом.

– Да так, по делам, – уклончиво ответил Пауль. Ему вдруг показалось не очень-то правильным хвастаться планами, но Манфред ловким движением выхватил из руки полученный в бюро листок.

– Ба, в партию вступаешь? Неплохой Способ Добиться от Адольфа Поста, а? – Скаламбурил напарник. Пауль и раньше слышал эту версию расшифровки аббревиатуры «НСДАП». От того, что в нем все видят молодого карьериста, стало муторно, но пытаться возражать не стал. Большинство взрослых вовсе не считает это чем-то зазорным. Да и начнешь спорить – лишь утвердишь окружающих в ложном мнении.

Вышли возле киоска с прессой. Манфред полез в карман за мелочью. Лениво обмахивающаяся «народным обозревателем» зевающая барышня продала свежую газету.

– Ты гляди, в кои-то веки про Чехословакию пишут! – Воскликнул напарник ровно в тот момент, когда Пауль начал подумывать, что получится от него отвязаться. – Оставили, наконец, этих чертовых русских в покое! А то я уж было начал думать, что в России живу.

Россия с новостных полос последние полгода и впрямь почти не сходит. Большевики там окончательно свихнулись, с самого тридцать седьмого расстреливают всех подряд, обвиняя в чем попало. «Штюрмер» даже писал, что коммунисты, чтоб не тратить время на бумажную волокиту, ездят по городским улицам на грузовиках и расстреливают прохожих из пулемета. Пауль после этого дурацкую газетенку покупать перестал. Вот уж, наверное, Хельга бы порадовалась столь критическому отношению к бульварной писанине.

– А что там, в Чехословакии? – Спросил не столько из интереса, сколько из желания отделаться от мыслей о прошлом.

– Ровным счетом ничего нового. Немцев за людей не считают. Травят, почем зря. Полиция житья не дает, в школах заставляют вместо нормального языка на своей тарабарщине детей учить. Думаешь, мы с семьей от хорошей жизни в Германию перебрались? Или ради идей да речевок? Ха!

Манфред злым, размашистым жестом швырнул в урну окурочек.

Пауль тактично промолчал. История эта не нова: после войны множество немцев оказались гражданами других стран. Поляки, чехи и прочая нечисть издеваются над ними, как хотят.

– Зря Гитлер с ними миндальничает, я тебе скажу. Чего толку распинаться о том, какая мы миролюбивая нация? Этим сволочей такие разговоры только подогревают.

Манфред раздраженно скомкал газету, за чтение которой так толком и не взялся.

– Что же, войну начинать? – Без особого энтузиазма спросил Пауль.

– Да хоть бы и войну! Давно пора уродов на место поставить.

– Это ты так говоришь, потому что сам на войне не окажешься.

Сам юноша ни на какую войну вовсе не рвется. Даже несмотря на то, что стремление стать офицером никуда не делось. Или, быть может, именно поэтому. Конечно, каждый уважающий себя гражданин, если фюрер отдаст приказ, возьмется за оружие. И Пауль вовсе не собирается становиться исключением. Но, может, как-нибудь получится обойтись без крайностей?

– Если понадобится, то окажусь, – огрызнулся Манфред. И, неожиданно, ухмыльнулся кривоватой, невеселой улыбкой. – Ты меня, конечно, не поймешь. Родился и вырос в Германии. Тут, ясно, в двадцатые тоже не сахар был. Но невдомек тебе, парень, что это такое – на своей земле оказаться человеком второго сорта. Мы же им их государство создали. Мы ж их, уродов, грамоте обучили, заводы им построили. Все Австрия руками немцев создала. А вот поди ж ты: Австрию в Рейх с распростертыми руками приняли, а те, кто в Судетах или Силезии живут – они чем хуже? Такие же немцы, как и мы с тобой!

Манфред растерянно посмотрел на газету, которую успел привести в совершенно неприглядное состояние. Изодранный комочек бумаги полетел в мусорку, а напарник хлопнул Пауля по плечу.

– Ладно, чего спорить. Не мы с тобой эти вещи решаем. Завтра свидимся.

И пошел дальше, на ходу доставая из кармана папиросы. Пауль, немного подумав, тоже полез за сигаретами.

До магазина шел в гордом одиночестве. Оно и к лучшему – не слишком-то хочется выслушивать бесконечный поток жалоб на чехов с поляками, которые только и делают, что притесняют несчастных немцев. Не то чтобы Пауль так уж симпатизировал всем этим славянам. Разбежались из бывшей Австрийской империи. И ладно бы просто разбежались, так еще и растащили все, что столетиями создавали немцы. Они, конечно, форменные мерзавцы и все такое,

но... Если уж вас так сильно притесняют – собирайте вещи да приезжайте в Рейх. Здесь и жизнь куда лучше, и немецкую кровь берегут, как настоящее сокровище. Вон, Манфред же приехал.

Но большинство-то в Судетах, Силезии или какой-нибудь Словении, которая вообще черт знает где находится, никуда уезжать не спешат. С чего вдруг? Уж не потому ли, что не так сильно их притесняют, как они рассказывают?

Такую мысль по нынешним временам лучше держать при себе. Вслух подобное высказывать не принято. Но Пауль, хоть ты тресни, не желает вместо налаживающейся жизни отправляться на какую-нибудь войну. И живьем гнить в окопах просто из-за того, что какому-то дураку в Чехословакии не хочется говорить на чешском... Или на каком там языке они болтают. Только и остается радоваться, что фюрер не устает подчеркивать миролюбивость своей политики. Он, конечно, тоже не желает, чтобы немцы ни за что ни про что погибали где-то на задворках мира.

С этой оптимистичной мыслью Пауль зашел в роскошно обставленный бутик. Тихо тренькнул прикрепленный к двери колокольчик. Небольшое пространство заполнено стеклянными витринами. На бархатной обивке лежат часы: наручные, карманные, с цепочками самых разных фасонов и на специальных подставочках. Глаза так и разбегаются. А от вида ценников, наоборот, спешат съехаться в кучку.

Пауль до недавнего времени со своей зарплатой в сто пятьдесят марок самому себе казался невероятным богачом. Ему и в голову не приходило, что на свете существуют золотые массивные хронометры, стоящие больше десяти тысяч. Ну ничего себе он зашел...

– Добрый день! Чем могу помочь? – Подала голос девушка в нарядном строгом платье.

– Здравствуйте, фройляйн. Я ищу наручные часы. Что-нибудь красивое и не дороже двухсот марок.

Изначально Пауль планировал потратить не больше сотни, но посреди окружающей роскоши что-то заставило вдвое взвинтить собственные способности. Не беда. Он успел накопить чуть более трехсот. Хотел купить приемник на батарейках на зависть окружающим, но, наверное, лучше потратиться на подарок дяде.

Одной из причин такой расточительности служит ясное понимание: покрасовавшись с новеньким радио, Пауль вскоре забросит его в дальний ящик за полной ненадобностью. Он бы с большим удовольствием откладывал деньги на мотоцикл, но до ухода в армию восемьсот рейхсмарок точно не набрать. Да и смысл покупать – чтобы он потом два с лишним года стоял на улице под дождем и снегом?

Дорогой подарок для дяди кажется куда более разумной тратой денег. Пауль лишь недавно всерьез задумался, что для него сделала чета Майеров. Потерявшие собственного сына, они подобрали осиротевшего мальчишку, хотя вовсе не обязаны были этого делать. И, если уж положить руку на сердце, приемный им достался совсем не с ангельским характером. Вряд ли дорогие подарки могут послужить достойной компенсацией за то добро, что они ему принесли. Однако же, других способов выразить свою благодарность Пауль не видит. Полгода назад спустил все накопления на дорогой сервиз. Тетушка подарком осталась более чем довольна. Теперь следует подобрать что-то достойное на день рождения дяди Вилли. Еще тетушка мечтает о настоящем персидском ковре, но это совсем другой разговор и совсем другие цены...

Долго мучиться с выбором не пришлось: первый же предложенный вариант оставил Пауля в немом восхищении. Изящный корпус, черный циферблат, золоченый орел, вцепившийся в пять переплетенных колец. «Минерва» в Германии знаменита с того самого времени, как стала официальным спонсором позапрошлого олимпийских игр.

Лощеная черная подкладка почему-то напомнила приехавших из Америки негров. Пауль, конечно, читал, что и такие бывают, но картинки в книжках – это одно. Мало ли, чего люди рисуют. Совсем другое дело – увидеть собственными глазами. Мелкая Ильзе, которую он

водил на стадион смотреть выступления атлетов, ноотрез отказалась верить, что это настоящие люди. Да и сам Пауль не слишком пытался с ней спорить. Разве ж люди такими бывают?

Расплатившись, получил украшенный золотистым вензелем черный футляр. Продавщица помогла завернуть покупку в бумажный сверток, чтобы ненароком не повредить по пути домой. В голове вертятся воспоминания о тех временах, когда пятьдесят пфеннигов казались состоянием, на которое можно купить если и не целый мир, то уж точно половину небольшой улицы. А сейчас – пожалуйста, выкладывает на подарок сто девяносто восемь рейхсмарок. И не знает, на что потратить оставшиеся. Все-таки купить радиоприемник? На дешевую «народную модель» все равно хватит. Или отложить на будущее? Но солдату деньги особо без надобности, а офицерские зарплаты – это, братцы, совсем отдельная песня.

Отложив размышления в долгий ящик, Пауль забежал в маленький магазинчик возле остановки. Сонный паренек в красно-белом кепи продал бутылку кока-колы. Черная газировка в Германии завоевала популярность после все тех же олимпийских игр. Ходят слухи, в рейхсминистерстве здравоохранения даже поднимали вопрос, как бы заменить пиво на новомодный американский напиток: употребление алкоголя вредит здоровью. Но верится с трудом. Отказавшаяся от пива Германия – это уже не Германия.

Тринадцатого сентября чехословацкое правительство ввело в Судеты войска. Газеты и радио захлебываются от ярости: людей, вся вина которых в желании говорить на родном языке, избивает прикладами пьяная чешская солдатня. Тех, кто пытается возмущаться, расстреливают без суда и следствия. Пресса забита описанием чудовищной жестокости.

Гитлер на партийном съезде в Нюрнберге объявил, что стремится к миру со всеми соседями. Но безнаказанными преступления против немецкого народа не останутся. Кое-где циркулируют слухи, будто в Чехословакию тайно проникают войска большевиков из России, чтобы перестрелять всех немцев, а самих чехов посадить в лагерь. Их послушать, так русские на запад лезут от безнадежности: сами себя перестреляли еще в тридцать седьмом и теперь вынуждены искать новые жертвы за границей.

Все вокруг гудит и бесится. Говорят, через сортировочные железнодорожные станции на восток идут забитые войсками и техникой эшелоны. Иногда Паулю кажется, что все эти события разорвали его на две части. Первая с готовностью подхватила всеобщий порыв. Мерзавцам, что позволяют себе безнаказанно избивать и расстреливать людей за одну лишь принадлежность к немецкому народу, должен быть преподан урок. Суровый, жестокий, чтобы впредь жалобно скулили от одного лишь звука германской речи. Третий Рейх напоминает страшного великана, что поднимается во весь исполинский рост, тяжелый кулак медленно заносится над головой, готовя всеокрушающий удар.

Это все замечательно и очень вдохновляет. Если только забыть на мгновение, что в результате тебя вместе с такими же белобрысыми парнями посадят в поезд и отправят навстречу старухе, давным-давно сменившей косу на пулемет.

Конечно, служба в армии – безусловная и священная обязанность каждого мужчины. И Пауль прекрасно понимает, что защищают солдаты Вермахта, заступая на воинскую службу. За их плечами – могучая держава, что расправила, наконец, согнувшиеся было плечи. Цепи, которыми ее опутывали враги, бессильно пали к ногам. В глазах появился хищный блеск... А на пузе чем дальше, тем явнее проступает вполне различимый жирок. Великая честь – закрыть собой страну, где люди живут полноценной жизнью, где рабочие не считают гроши, а отправляются в круизы. Где детям открыты любые дороги. Хочешь – иди в конный спорт. Или в клуб воздухоплавания. Гитлерюгенд в любом случае оплатит любые расходы.

Да, Пауль не сомневается, что сделал верный выбор. И, конечно, если фюрер даст приказ – они все пойдут стальной стеной навстречу врагам Рейха, но... Лучше бы фюреру таких приказов не отдавать.

И Гитлер не подвел. Сентябрь уже был на излете, когда ярость, льющуюся из радиоточек, сменило ликование. В Мюнхене подписано мирное соглашение. Судеты стали частью Рейха, а Чехословакия с позором убирается прочь с исконных германских земель.

С самого утра телефон то и дело раздражается громкой трелью. День рождения дяди Вилли в этом году выпал на воскресенье. Коллеги поздравили еще в пятницу, но есть также родственники, друзья, знакомые... Кажется, их количество повергло в недоумение и самого герра Майера, вынужденного выслушивать бесконечные пожелания здоровья, профессиональных успехов и прочая, прочая, прочая.

На запястье дядюшки красуется новая «Минерва». Наверное, не слишком разумно ходить с таким украшением по квартире, где к твоим услугам большие настенные часы. Тем не менее, дядя Вильгельм отнесся к подарку с неожиданной непосредственностью получившего новую игрушку мальчишки. Паулю это, конечно, немало польстило.

– В былые времена надо было ехать через полгорода, чтобы лично поздравить именинника, – устало вздохнула тетушка, когда по квартире в очередной раз заметался требовательный телефонный звон. – Сразу все становилось ясно: кто на самом деле хочет продемонстрировать внимание, а кто предпочитает отделаться дешевой открыткой. Зря я, все-таки, позволила уговорить себя провести этот бессмысленный прибор.

Желающие показать должное внимание герру Майеру появились ближе к вечеру, когда дядюшка Вилли сменил пижаму на старый пиджак. Тетушка порой напоминает супругу, что время сменить этот предмет гардероба на нечто новое настало еще в начале тридцатых. Но дядя наотрез отказывается от любых новинок. Не та ткань, не тот фасон, не тот цвет... Вильгельм Майер может втихую от тетушки и фюрера симпатизировать социал-демократам и либералам, но в быту остается ярым, неистребимым консервативом.

Трое давних друзей появились незадолго до того, как часы пробили шесть. Франц, Людвиг и Йозеф неуловимо похожи на самого дядюшку Вилли – все как на подбор невысокие обладатели залысин и животиков, которые безуспешно прячут за широкими пиджаками. Троица эта регулярно появляется в жизни герра Майера раз в году, да еще три раза в год он точно так же отправляется на их дни рождения.

Тетушка Гретхен в нарядном переднике выставила на стол небольшие чашечки и кофейник. Долго кофе на столе не продержался: уже через пятнадцать минут дядюшка полез в шкаф за специально купленной для такого случая бутылкой французского коньяка.

На этом месте Пауля обычно отправляют в постель – чтобы не мешал взрослым сидеть за столом да рассуждать о жизненных перипетиях. На этот раз, однако, герр Майер после недолгих размышлений выставил на стол еще одну рюмку. Тетушка наградила супруга рассерженным взглядом.

– Возраст, достаточный для работы на заводе, для хорошего коньяка тем более препятствием не является, – рассудил дядюшка, откупоривая бутылку.

Пауль поймал себя на дурацкой мысли, что только что был произведен в настоящие взрослые. Интересно, лысина и изрядное пузо являются обязательным элементом новой жизни, или все-таки получится без них обойтись?

Это, конечно, не первый раз, когда он пробует шнапс. В среде Гитлерюгенд принято первую встречать единогласным «Хайль Гитлер!». Дядюшка же, разлив коньяк по рюмкам, сказал коротко:

– Ну, за встречу!

– За тебя, Вильгельм, – ответил густым басом Франц. Остальные присоединились одобрителем угуканьем, словно смешная стая пузатых филинов.

За следующие полчаса успели поднять еще несколько: за несомненную красоту, обаяние и безусловный талант хозяйки, за грядущие успехи на службе. И, конечно, за именинника.

Пауль после очередной рюмки ощутил растущее желание объяснить, что застолье у них совершенно неправильное: пить следует за гений фюрера, грядущие победы Германии, торжество германского духа... Но какие-то остатки трезвомыслия удерживают от патриотической лекции. Впрочем, на политику от французского коньяка потянуло не его одного.

– Я, братцы, грешным делом, думал: все. Тушите свет, запасайте спички. До конца не верил, что Адольф отступится. И не отступился ведь! – Разгоряченно заявил Йозеф после очередного тоста. – Слава Богу, у Чемберлена и этого... как его, черта французского... В общем, хорошо, что хоть у них тормоза нашлись.

– Зато Советы чуть из своего медвежьего угла в Европу не полезли. Вот прям только их тут и не хватало, в бедламе нашем...

– Да, кабы чехи уперлись, да русские им навстречу через Польшу ломанулись, веселого было б мало. Спасибо, у их Бенеша²⁶ тоже с тормозами все хорошо.

– Да, вот то-то и оно, что у английского премьера тормоза есть, у французского президента тормоза есть, даже у чехов есть. Один наш Адольф без тормозов. – Брякнул Людвиг, подливая себе еще коньяку.

– Вот сейчас нас юный Пауль всех оптом за такие речи в гестапо сдаст, – ухмыльнулся Франц. От него не укрылось, как вытянулось лицо молодого собутыльника. Не столько от ляпнутой в запале фразочки, сколько от молчаливого согласия, что разлилось в гостиной после слов Людвиг. – Молодежь-то у нас нынче на войну рвется. Что, гитлерюнге, рвешься на войну?

– Не очень. – Честно ответил Пауль. Говорить почему-то приходится через силу, язык то и дело бросается заплетаться. – То есть, вы не подумайте, я вовсе не боюсь. Если фюрер прикажет, я готов. Если лягушатники опять нападут – обязательно! Защищать отечество – долг каждого мужчины. И если надо атаковать – значит, будем атаковать... Но, может, все-таки не надо, а?

Последние слова прозвучали чуть ли не жалобно. На какой-то миг Паулю самому стало противно от собственной трусости. А что это, если не трусость? Если фюрер прикажет – вся страна за ним пойдет. Так и никак иначе. Но все равно лучше б он не приказывал. Пусть война остается жить в фильмах и книгах, полная героизма и подвигов. Хорошо быть смелым, когда точно знаешь, что завтра не придется бежать с винтовкой наперевес на пулеметную точку. А вот каков ты будешь, когда бежать и впрямь придется – это еще большой вопрос.

– А ты говорил, молодежи нашей мозги промыли, – хохотнул Франц, хлопнув Людвиг по спине. – Нашей немецкой молодежи пойдти чего промой, где сядешь, там и слезешь. А вообще, зря вы тут бочку на Гитлера катите. Ты, Вилли, за сколько эту бутылку взял?

– Сто марок.

– Во! Помню, в двадцать седьмом это моя зарплата была. Какой там коньяк, требуху мясную купить за праздник было. А мы нынче сидим, жрем коньяк по сто марок за бутылку, и при том еще на Гитлера хвост поднимаем. Да где б мы без него были...

– Да кто ж спорит-то? – И не подумал сдаваться Людвиг. – Он Германию из полной задницы вытащил, никаких разговоров. Но чего он на всех вокруг рычать-то бросился? Сиди себе спокойно, сам живи, другим не мешай. Кушай коньяк по сто марок за бутылку и не мешай нормальному немцу делать такую страну, что все вокруг от зависти удавятся. А ему вишь, все нейметя. Сегодня Судеты. Завтра у Польши Силезию какую-нибудь потребует.

– Не потребует. Он же сказал, что больше территориальных претензий не будет.

– Тю! Тоже мне, аргумент. С каких это пор ты политикам на слово взялся верить?

Пауль слушает разговор с нарастающей растерянностью. Прошедшие годы приучили: о фюрере дозволено говорить лишь в восхищенных тонах. Если вдруг твое мнение чем-то отличается от всеобщего – засунь известно куда и не вякай. Точнее, вместо вяканья продолжай

²⁶ Эдвард Бенеш – в описываемое время президент Чехословакии.

публично восхищаться идеями национал-социализма и Адольфа Гитлера. Все вокруг восхищаются, а ты что – самый умный?

Но вот сидит четверка далеко не самых глупых мужчин, многое повидавших, многое переживших. И вдруг выясняется, что мнение-то у них разное. А на людях и они, конечно, не позволят себе лишней фразы бросить. Что же выходит? На словах у всей Германии одно, а в разговорах наедине с друзьями – совсем другое?

От таких мыслей неприятно кружится голова. Хотя еще пойди разбери, от мыслей или последней рюмки...

Глава 8

Если бы полгода назад Паулю сказали, что он будет с ностальгией вспоминать цеха Рейнметалл, он бы вряд ли понял, о чем речь. Шумное пространство заполнено лязгом железа, беспрерывно грохочут станки, люди пытаются перекричать творящийся вокруг хаос – совсем не предел мечтаний. Ну или так он думал, пока не попал в имперскую трудовую службу²⁷. И вот здесь стало ясно, в каком раю ему довелось работать последние пару лет.

Последнее осмысленное воспоминание – поезд, с которого их выбросили где-то в Саксонии. Станция, затем долгая дорога в кузове тряского грузовика. Поездка закончилась в лагере, приютившемся возле огромного песчаного карьера. Несколько сотен человек, как заведенные, орудуют лопатами. Бесконечные грузовики, заполненные желтым рыхлым песком, растворяются в гулкой неизвестности, а на их место встают новые – пустые. Пока еще пустые, но требующие заполнения. И снова бесконечные монотонные движения, от которых противно ноет спина, а руки покрываются ороговевшими мозолями. Словно у древнего викинга, что безостановочно крутит весло драккара. Хотя еще сильнее напрашивается сравнение не с вольными покорителями морей, а с галерными рабами.

В их десятке почти все из Тюрингии. Один бугай по имени Адольф – из Баварии. Здоровяк поначалу пытался задирается. Сильно не понравилось ему оказаться с пруссаком в одной команде. Но уже на следующий день лопаты накрепко их примирили. На недовольство друг другом сил уже не остается.

Фельдмайстер²⁸, которого чаще по старинке называют бригадиром, появился как раз в тот момент, когда устроились на перекур прямо под палящим майским солнышком. Полуголые, перепачканные. Песок разве что из ушей не сыплется. Неподалеку темной стеночкой вьется лесок. Со стороны зеленого массива доносится шум, тархтят двигатели. В той стороне точно такие же нагнанные со всей Германии работяги прокладывают трассу.

– Олаф, принимай новенького. – Рядом с начальником переминается с ноги на ногу вихрастый паренек. Белобрысый, худощавый, новенькая спецовка на нем смотрится, как седло на павлине. Пауль сам не понял, откуда взялось это ощущение, но чувствуется в новичке что-то такое... Паркетно-утонченное.

Форманн²⁹ смерил новоприбывшего равнодушным взглядом. Он вроде бы над ними начальник, но вкалывает наравне со всеми.

– Звать как?

– Альбрехт, – неуверенно ответил новичок.

– Блау, будет твоим напарником. – Приказал после недолгого молчания Олаф. Забыв, конечно, спросить свеженазначенного «патрона», хочет ли он возиться с новоприбывшим. Ну да ладно.

Вдали послышалось фырчание мотора. За трехтонным «Опелем» тянется хвост из поднятой пыли.

– Все, – велел форманн, хватаясь за лопату. Недокуренная папироса полетела на землю. – Успеем еще познакомиться. Ты, новичок, вон там лопату возьми. А спецовку лучше сюда брось.

²⁷ В Третьем Рейхе военной службе предшествовала шестимесячная трудовая повинность в имперской трудовой службе (Reichsarbeitsdienst). Отбывающие повинность использовались преимущественно на строительстве автобанов. Считалось, что помимо экономической целесообразности, трудовая повинность должна быть «школой национал-социализма».

²⁸ Фельдмайстер – звание в имперской трудовой службе, соответствующее лейтенанту Вермахта.

²⁹ Форманн – звание в имперской трудовой службе, соответствующее ефрейтору.

Одежду они свалили в кучу неподалеку. Альбрехт в ответ на предложение лишь смущенно помотал головой и взялся за тяжелую совковую лопату. Пауль неопределенно хмыкнул. Ну и напарник ему достался. Чего он, стесняется что ли?

Очень быстро бесконечный песок и монотонный труд вытряхнули из головы размышления о странном новичке. Пауль провел на карьере всего пару недель, а впереди еще два с лишним месяца. Как же здорово, что успел зарегистрироваться кандидатом на офицерскую должность и скопил тем самым половину трудовой повинности. Остальным здесь полгода вкалывать, это же с ума сойти можно...

Кажущийся бесконечным рабочий день подошел к концу. Солнце зависло над самым горизонтом.

– Все, – смачно плюнул Олаф, подхватывая спецовку. – Отстрелялись на сегодня.

Пауль не сразу вспомнил о свеженазначенном «напарнике». Тот тут как тут. Стоит, чуть покачиваясь, успевшая покрыться грязными разводами физиономия кривится в болезненной гримасе.

– Герр Блау, я хотел спросить...

– Какой я тебе герр. Герры в Берлине остались. Мы тут все друг другу просто товарищи.

Пауль меня зовут.

– Ага. Пауль. Мне, это... в санчасть бы заглянуть?

Только сейчас в глаза бросилось, что на черенке Альбрехтовой лопаты отчетливо проступают кровавые разводы.

– Чего с тобой такое? – Новичок болезненно сморщился и показал ладони. Белые, ухоженные... Ну, когда-то наверняка были именно такими, но сейчас – жуткое месиво из содраных волдырей.

– Ты чего ж молчал-то все это время, олух?!

– Чтоб не говорили, что поблажек требую, – мрачно пробубнил под нос Альбрехт. На лице новичка мешаются досада и обида. Он как будто ждал, что его за самоотверженность хвалить будут? Дурак упертый.

– Вот всем вокруг больше делать нечего, как о тебе сплетни распускать, – раздраженно отозвался «патрон». – Идем, провожу тебя. И лопату давай.

Пауль снова покосился на окровавленные ладони. Больше всего хочется плюнуть на дурака и поплестись следом за остальными в сторону полевой кухни. А потом – свалиться в палатку и спать, спать, спать... Но раз уж назначили напарником, выходит, он за него как будто в ответе.

– За мной иди, – буркнул сердито и поплелся в сторону медчасти.

Возле здорового шатра трется несколько парней. Любезничают с миловидной медсестрой. Сам Пауль за прошедшие две недели на девушек даже смотреть не может. Побудка, работа, обед, опять работа, доплестись до койки в палатке – и рухнуть, как подкошенный. На большее его не хватает. Кто эти странные парни, что увиваются вокруг миловидной Кристи? Двужильные? Или какие-нибудь особые места ухватили? Но спецовки на них самые обычные, да и впахивают как будто не меньше прочих.

– Криста, погляди чего у него с руками, – попросил Пауль. Медсестра ответила раздраженным взглядом. Тоже не слишком рада, что отвлекает от красующихся кавалеров.

Хотя стоило девушке увидеть окровавленные ладони Альбрехта, как недовольство сменилось настоящей яростью.

– Вы чего с ним сделали, изверги?!

– Да ничего мы с ним не делали! Что я ему, нянька, за граблями его присматривать?

– А ты, дубина белобрысая, чего молчал? – Напустилась Криста на новичка. Тот в ответ обиженно надулся. Кажется, и впрямь ждал, что все вокруг будут восхищаться невероятной стойкостью. Как есть дурак.

К Паулю медсестра уже потеряла интерес, а вот несостоявшиеся ухажеры смотрят недовольно: как же, все внимание объекта вздыханий им перебил. Ничего, потерпят. Криста потащила новичка внутрь медпункта. Наверное, его участия тут больше не требуется.

Раздатчица в белом фартуке вывалила на тарелку большую порцию густого варева. Нечто среднее между густым супом и жидкой кашей. Пауль пристроился за стол и принялся орудовать ложкой, не чувствуя вкуса. В голове одно желание – побыстрее разделаться с полученной порцией – и спать...

Утро началось с забинтованных рук Альбрехта.

– Работать разрешили? – Строго спросил заявившийся по такому делу фельдмайстер. Бригадир смерил понурившегося новичка тяжелым взглядом. Плохое настроение вполне объяснимо: если дело закончится гангреной, спросят с начальника, а начальником над ними стоит именно он. А Олаф с его званием форманна – это так. Для красоты и для галочки.

Альбрехт торопливо кивнул. Ладони покрыты белоснежными бинтами, а за пояс заткнуты брезентовые рукавицы.

– Ты, дурень, если что еще такое приключится – не отмалчивайся, как шпион на допросе, а говори сразу! А ты, Блау, следи за ним. Еще проблем не хватало из-за этого утырка получить.

Альбрехт стоит, уставившись на носки ботинок.

– Ну, все что ли? Пошли строиться.

Каждый день в лагере начинается с торжественного построения. Играют горны, знаменосцы проносят флаг, затем обязательная переключка. Вот и на этот раз ничего нового.

– Адлер!

– Я!

– Аншиц!

– Я!

– Блау!

– Я! – Гаркнул Пауль. Командир продолжает выкрикивать фамилии.

– Фон Таубе!

– Я! – Подал голос новичок.

Пауль растерянно вытаращился на него, да и остальные смешались, откуда-то даже донеслось изумленное шушуканье.

– Штайнер!

В ответ – многозначительная тишина. Какой, к черту, Штайнер, когда тут целый аристократ в одном с ними строю?

– Штайнер!!!

– Я! – Поспешно отозвался кто-то с другой стороны строя.

Пауль едва дотерпел, когда нудная процедура закончилась. Все, разбившись на отряды, помаршировали в сторону полевой кухни, от которой уже исходит волнующий запах свежего хлеба.

– Ты в самом деле что ли из дворян?

– Угу, – неохотно отозвался Альбрехт.

– А чего ж в имперскую трудовую службу пошел? – На простоватой физиономии Олафа застыло искреннее недоразумение.

– А ты тут чего забыл? – Огрызнулся новичок.

– Так меня никто не спрашивал, призвали – и все!

– А меня, по-твоему, спрашивали?

Пауль неопределенно хмыкнул, но от комментариев воздержался, тем более что их десяток как раз подошел к раздаточному пункту. Девушки в белоснежных передниках выдают алю-

миниевые миски с одинаковыми кусками хлеба, поверх которого – удручающе тонкий ломоть посредственного сала. К завтраку прилагается стакан кофе.

– А нормального кофе тут нет? – Физиономию Альбрехта перекосило от одного запаха.

– О, вот теперь ты и впрямь натуральный фон-барон! – Восхитился неясно чему Олаф.

– Это не он зажрался, это бурду растворимую сегодня еще гаже обычного сварили, – заступился за напарника Пауль.

Ничуть, кстати говоря, не покривив душой. Кормят в лагере неплохо, но от однообразной жратвы потихоньку становится тошно, а кофе местный – и вовсе издевка. Выбора, однако, все равно никакого. Или пьешь сваренную в здоровенном котле бурду, или выливаешь под ближайший куст. Такая альтернатива даже кривящего нос Альбрехта заставила молча уткнуться в стакан. Спасибо хоть, хлеб здесь пекут самый настоящий.

Пауль жует свой завтрак, искоса поглядывая на напарника. Сами собой вспоминаются трескучие лозунги, которыми их заваливали сразу после прибытия. Здесь вся Германия, без оглядки на чины, происхождения, сословия. Нет больше графов и крестьян, рабочих и буржуа, есть единый германский народ, и единство это куется в труде на благо отечества. Ну и все в таком духе. Пауль тогда пропустил эту ахинею мимо ушей. А сейчас, конечно, задумался. Не врут ведь. Будь ты хоть любимый правнук Бисмарка – без обязательной трудовой повинности про университет и думать забудь, и в армии ты такой никому не нужен. Так и останешься отбросом, которому трижды подумают, прежде чем самое последнее дело поручить.

– Ну, пожрали? Пошли скорее, а то опоздаем еще. – Велел Олаф, живо вернув Пауля из воздушного замка напрямиком на грешную землю.

– Ладони твои как? – Спросил Пауль, когда очередной рабочий день подошел к концу. В первые дни после прибытия он к вечеру уже ничего не соображал. Только и мог, что передвигать превратившимися в ходули ногами да плестись в сторону койки. Но тело за прошедшее время приноровилось к нагрузкам. Даже странно ощущать себя вполне сносно после целого дня размахивания лопатой. Правда, неприятная ломота в спине так никуда и не делась.

За минувшие дни десяток окончательно втянулся в местную рутину. Даже Альбрехт перестал морщиться каждый раз, когда берется за лопату. Руки потихоньку заживают.

– Вроде нормально. Криста велела на перевязку прийти. Ты не знаешь, тут где-нибудь цветов можно нарвать?

Слышавший их разговор Олаф заржал, словно настоящая лошадь.

– Ба, а наш барон не промах! Остальные еле ноги волочат, а он уже к медсестричкам клинья подбивает!

– Да я же чисто в благодарность! Ну, за заботу... – Физиономия Альбрехта покрылась алыми пятнами настолько красноречиво, что и осел понял бы: никакой «просто благодарностью» дело и не пахнет.

– Ну, коли озабоченному кобелю лишний километр не в тягость, то вон в той рощице наверняка должно быть. – Олаф махнул рукой в сторону темного лесного массива на границе карьера. – Кстати, о цветочках. У нашего десятка завтра выходной, все желающие идут в Шёнбах. Ты, Альбрехт, тоже присоединяйся. Криста всем хороша, но любовь – не война, ее на два фронта вести можно, нужно и приятно.

И снова разразился довольным гоготом.

– А по-человечески можешь объяснить? – Спросил Пауль. – Что за Шёнбах?

– Да деревня тут неподалеку. Там сейчас отряд девчонок после школы приехал на сельскохозяйственные работы. Ну их, конечно, как нас вкалывать не заставляют. И танцы почти каждый день. В общем, чего клювом щелкать? Надо брать. Но кто хочет выходной в лагере протупить, я не возражаю.

– А чего до завтра ждать? Пошли прямо сегодня, – неожиданно предложил Альбрехт. – После ужина отпросимся...

– Смеешься? Не отпустят. – Категорически отмел предложение Олаф.

– Как? Почему?

– Не положено. Поэтому ни у кого мы отпрашиваться не будем. А вот насчет пожрать – это обязательно. Пожрать – это святое.

Странное дело, вроде бы только что мысли вяло текли в направлении ужина, после которого полагается свалиться на кровать и очнуться, лишь когда горн возвестит наступление нового дня. Но сейчас вместо очередной побудки и размахивания лопатой забрезжили танцы и новые впечатления... И Пауль с некоторой растерянностью ощутил, что немедленно готов отмахать весь путь до неизвестной деревеньки.

После сытного ужина отправились в душ. Большинство на банные процедуры плевать хотело, люди устало тащатся в сторону палаток. А вот сдружившаяся троица бодро потрусилась к душевым. То еще пыточное приспособление. Пару раз, правда, случались приятные исключения, и вода оказывалась теплой, но сегодня удача не улыбнулась. Пришлось прыгать под ледяными струями, торопясь намылить слипшиеся от пыли и пота волосы.

– Как думаешь, что будет, если нас поймают? – Спросил Альбрехт. Напарник после купания весь посинел от холода, зубы выбивают настоящую чечетку.

– Не знаю. Да кто нас ловить будет? Тут же не армия. Главное – сделать физиономии повнушительнее. Будто все путем.

Охранять здесь и впрямь никого не пытаются. Ходят, правда, слухи, что кое-кто из-за такой безалаберности удрал, но верится с трудом. Просто потому, что слухи еще ни разу не подкреплялись конкретными именами. А вот историй из разряда «знал я одного парня, так у его приятеля брат видал краем глаза пацана, который знаком со свояком сбежавшего» и впрямь хватает.

Импровизированный план сработал. На трех парней, выходящих из лагеря приодевшимися явно понаряднее, чем для работы, никто не обратил внимания. А кто обратил, проводил завистливым взглядом.

– Слушай, Альбрехт. Ты прости, если что. – Неожиданно подал голос Олаф. – Я раньше думал, что все аристократы – цацы, каких свет не видывал. Ну там, кофе пьешь – мизинчик выставляй, обращаться только «герр такой-то» или «фрау такая-то»...

– Дак он меня герром Блау поначалу и величал. – Ухмыльнулся Пауль.

– Все равно, наш парень. – Отрезал Олаф. Альбрехту комментарий явно пришелся по душе.

Идут проселочной дорогой. Только и остается удивляться, как снующие туда-сюда грузовики с песком до сих пор не превратили ее в бесформенное месиво. Сейчас людей вокруг не видно: рабочий день закончился, их только что обогнала последняя машина. Привычный трехтонный «Опель» оставляет пыльный шлейф из сухого мелкого песка. Просто поразительно, насколько непривычным стало ощущать себя чистым. Свежая одежда не пропахла потом, и на зубах ничего не скрипит. Как же мало надо человеку для счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.